

ТАЛВИН

Осколки странствий

Дивьяу Андрей

Андрей Дивьяу

Талвин Осколки странствий

«Автор»

2026

Дивьяу А.

Талвин Осколки странствий / А. Дивьяу — «Автор», 2026

Талвин — молодой человек, чья жизнь окутана тайной. Ему 65 лет, но выглядит он на 20 благодаря особому зелью из молочной реки загадочного искусственного острова в космосе. Однако это зелье стирает его воспоминания. Живя на искусственном острове, Талвин начинает вспоминать своё прошлое с помощью отца и древнего магического обруча. Оказывается, он происходит из древнего магического рода и обладает невероятным талантом к волшебству. В мире, где магия и технологии сосуществуют в гармонии, Талвин неожиданно оказывается втянут в водоворот невероятных событий. Ничто не бывает случайным — каждое событие, каждая встреча ведут его к раскрытию древних тайн и могущественных сил. Против своей воли он становится участником событий, которые меняют его судьбу навсегда. Книга сочетает элементы эпического фэнтези, космической оперы и философской притчи. Это история о поиске себя, о цене силы и ответственности за свой дар, о том, как важно оставаться человеком даже в самых сложных испытаниях.

© Дивьяу А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Дивьяу

Талвин Осколки странствий

Глава

ДИСКЛЕЙМЕР

Привет, дорогой читатель! Прежде чем ты отправишься в увлекательное путешествие по страницам этой книги, давай на пару минут остановимся и проясним коечто — просто чтобы между нами не возникло недопониманий.

Да, всё это — выдумка от начала и до конца. Никаких скрытых посланий, тайных намёков на реальные события или зашифрованных портретов известных личностей. Если вдруг тебе покажется, что какойто персонаж подозрительно похож на твоего начальника, соседа или даже на тебя самого — это просто совпадение (и, возможно, твоя богатая фантазия немного разыгралась).

Разберём по пунктам:

События, места и герои? Придуманы с нуля. Ни одна планета, страна или улица из книги не найдётся на карте — даже если очень долго искать с лупой.

Магические ритуалы, загадочные кристаллы и системы перевоспитания душ? Действуют исключительно на бумаге. В реальной жизни попытка повторить чтото из этого может привести лишь к тому, что на вас посмотрят с недоумением.

Взгляды и убеждения персонажей? Часть их роли в истории. Не стоит воспринимать их слова как руководство к действию или манифест. Они просто играют свои роли в этой сказке.

Социальные модели и философские концепции? Элементы художественного мира. Они не продвигают никакие реальные идеологии — это всего лишь декорации для сюжета.

Коротко и ясно:

Всё, что ты прочтёшь, — это история для удовольствия, вдохновения и, может быть, пары бессонных ночей (в хорошем смысле!).

Любые совпадения с реальностью — чистая случайность. Вселенная иногда любит пошутить, но автор тут ни при чём.

Ты волен воспринимать эту историю как хочешь: как притчу, как фантастическое приключение, как метафору или просто как способ приятно провести вечер.

Так что устраивайся поудобнее, отложи все заботы и погружайся в мир фантазии. Приятного чтения.

Талвин стоял на самом острие горного пика, там, где разряженный воздух обжигал легкие ледяной чистотой. Далеко внизу, словно бескрайнее море, клубились белые тучи, скрывая от взора бескрайнюю бездну. А впереди, за пеленой тумана, величественно возвышалась Другая Гора. Её вершина возносилась в небеса так высоко, что казалась пронзала саму вечность.

«Вот бы оказаться там» — прошептал он про себя, и эта сокровенная мысль, родившаяся, где-то в глубине души, мгновенно затмила все остальные желания.

Ответ Вселенной последовал незамедлительно. Чудовищный удар ветра в спину — невидимый, яростный толчок — и Талвин сорвался с места. Секунда страха сменилась пьянящим восторгом. Он не падал, он летел. Свобода, о которой он всегда мечтал. Адреналин обжигал изнутри, а счастьем не было предела.

Но сон всегда следовал своей жестокой логике. Поток воздуха внезапно иссякал, и восторг сменялся ледяным ужасом. Земля, скалы и острые как бритвы камни начинали приближаться с чудовищной быстротой. За миг до того, как его тело должно было разбиться об эти камни, следовал резкий, спасительный рывок.

Талвин вздрогнул всем телом и резко распахнул глаза, возвращаясь из мрачных глубин сновидения в реальность. Он лежал неподвижно в своей постели, ощущая, как липкий холодный пот стекает по спине, а сердце бьётся часто и неровно — словно загнанная птица, отчаянно рвущаяся на свободу.

«Это всего лишь сон» — хрипло выдохнул он в пустоту комнаты, судорожно вцепившись пальцами в край одеяла. Дрожь не унималась, пробегая по телу ледяными волнами. — Снова этот кошмар Почему он не оставит меня в покое? Почему снова и снова возвращает туда, где я не хочу быть?

Он зажмурился, пытаясь удержать ускользающие образы и додумать, что же там, под облаками. Но туман во сне был непреклонен. Тайна эта оставалась закрытой, как и далекая гора, к которой он летел.

Сон не шел. За окном уже брезжил рассвет — если это можно было назвать рассветом. Две кружки зелья, выпитые залпом, наполнили тело свежестью. Он неторопливо, но уверенно оделся, стараясь унять лёгкое волнение и мысленно готовясь к предстоящему дню.

«Спорт — наше всё», — безрадостно констатировал он. Для него спорт не был простым хобби или способом поддержать физическую форму — он превратился в особый ритуал и можно сказать, являлся лекарством, так как редкая болезнь, природу которой не могли разгадать, требовала от него постоянного изнурения. И только через физические нагрузки он чувствовал себя нормальным.

Талвин жил на искусственном острове — величественном творении древних мастеров, которых давно никто не видел. Сокрытый от посторонних глаз под пеленой вечных туманов, этот исполинский плавучий мир чем-то напоминал затерянный континент, неподвижно зависший в безмолвной бездне космоса.

Далеко в глубинах вселенной, неподалёку от центральной звезды галактики, остров парил, словно драгоценный камень, подвешенный на невидимых нитях мироздания. Его специально создали в незапамятные времена как особое место испытания души и тела — место,

где каждый шаг проверял на прочность волю, а каждое испытание раскрывало истинную сущность того, кто осмелился сюда ступить.

Поверхность острова переливалась в лучах центральной звезды. Гравитационные аномалии мягко колыхали его, создавая едва заметное покачивание, но он неизменно сохранял своё положение — будто сам космос оберегал это место, предназначенное для избранных.

Попасть на остров было непросто: не каждый мог преодолеть барьеры, охранявшие его границы. Древние заклинания, сплетённые с космической энергией, создавали иллюзорные лабиринты, где искажалось само восприятие реальности. Пространственные ловушки меняли расстояния и направления, заставляя путников блуждать по кругу. Испытания на прочность духа проверяли решимость и веру — они вызывали видения прошлого, искушали обещаниями лёгкого пути и пытались сломить волю призраками сомнений.

Лишь немногие, чьи сердца горели стремлением к познанию, чья воля была закалена испытаниями судьбы, получали шанс ступить на эту священную землю. Те, кому удавалось пройти сквозь все преграды, сталкивались с чередой продуманных до мельчайших деталей испытаний.

Каждый этап проверял не только способности, но и чистоту намерений, способность сохранять человечность и сострадание даже в самых тяжёлых условиях. Испытания были устроены так, что успех зависел не от грубой силы, а от гармонии внутреннего мира: от умения слушать своё сердце, доверять интуиции и оставаться верным своим принципам.

Тот, кто с честью проходил все испытания, получал особый дар — не просто материальный приз, а нечто большее: возможность переместиться ближе к центру вселенной. Туда, где потоки космической энергии текли мощными реками, где свет звёзд был ярче, а гармония мироздания ощущалась каждой клеточкой тела.

В этих благословенных местах энергии звёзд дарили особое состояние — не просто силу или могущество, а глубокое, всеобъемлющее счастье. Оно рождалось из единения с космосом, из осознания своего места во вселенной. Здесь можно было:

- ощутить прилив жизненной энергии, который исцелял раны и продлевал годы;
- пробудить скрытые способности, дремавшие в глубинах души;
- обрести ясность мысли и глубину понимания законов мироздания;
- почувствовать, как душа наполняется светом, а сердце — покоем и радостью.

Утро на искусственном острове было поистине невероятным. Над головой, переливаясь волнами, сияло фиолетовым цветом северное сияние. «Почему северное? — размышлял Талвин — Ведь здесь нет никакого севера». Видимо, это отголоски забытого прошлого.

Местная звезда излучала мягкий голубой свет. Её лучи не просто освещали — они ласкали, смывая ночные кошмары. Высоко в небе, на фоне первых оттенков зари, двигались причудливые спрайты. Полупрозрачные, с едва уловимым голубоватым свечением, они медленно плыли, меняя очертания — то вытягиваясь в длинные ленты, то собираясь в округлые сгустки света, и чем-то напоминали светящихся существ, плавно скользящих по невидимым течениям воздушных потоков. Под ногами зашевелился золотистый песок. Он поднялся облаком и мягко коснулся ладоней Талвина, словно преданный пес, ищущий ласки. Песок был теплым и живым, он приветствовал его.

В разных местах острова стали появляться высокие столбы света. Они стояли неподвижно, а затем таяли, рассыпаясь искрами и медленно оседая на траву. Здесь всё — от могучих деревьев до самых скромных травинки — было наделено живой душой. Стоило сосредоточиться и вслушаться в едва уловимые звуки природы, как открывалась удивительная возможность: можно было вступить в безмолвный диалог с растениями, от чего их сияние усиливалось.

Рядом неспешно текла удивительная река, которую все тут называли молочной. Её воды отливали перламутровой белизной, словно в них растворили самое чистое утреннее молоко.

Лёгкие волны перекатывались плавно, почти неслышно, а на поверхности играли нежные блики. По берегам росли пушистые травы с серебристыми листьями, склонявшиеся к воде, словно желая коснуться её волшебной глади.

Талвин, завершив привычный круг пробежки, неторопливо добежал до спортивной площадки. Вокруг царил удивительная тишина: в радиусе трёх километров не было ни души — лишь лёгкий ветерок шелестел листвой. Он посмотрел в сторону большого дома, небольшие башни мягко вырисовывались на фоне светлеющего неба. Там, за толстыми каменными стенами, всё ещё мирно спали те, кто был ему дорог: его подруга и отец.

Раннее утро каждого дня он всегда посвящал себе — своим мыслям и энергичным упражнениям. Надев специальный пояс, он закрепил на него небольшой диск для штанги размером с ладонь. Затем мысленно приказал ему весить 40 килограмм — и тот мгновенно потяжелел. Он начал подтягиваться, размеренно и привычно — раз за разом, преодолевая вес собственного тела, а в голове, словно заевшая пластинка, снова и снова крутилась одна и та же мысль: «Как же всё это надоело! Привычка, необходимость — но сколько уже можно?»

Он продолжал заниматься ещё долго: выполнял одно упражнение за другим, чередовал силовые нагрузки с плавной растяжкой, стараясь уловить привычное ощущение гармонии. Вокруг всё оставалось неизменным — мягкий утренний свет золотил верхушки деревьев, в воздухе витал свежий, чуть терпкий запах росы, а знакомый пейзаж раскинулся перед ним во всей своей спокойной красоте. Но чем дальше он двигался, тем отчётливее становилось внутреннее противоречие: внешний мир жил по своим законам, размеренно и естественно, а внутри него нарастало тягостное ощущение, будто он застрял в бесконечном круге одних и тех же дней. Каждое движение напоминало бег на месте — словно он крутился в невидимой воронке времени, не в силах вырваться за ее пределы.

Внешне Талвин выглядел как юноша лет двадцати: прямая осанка выдавала привычку к дисциплине, лёгкая поступь свидетельствовала о природной грации, гладкая кожа и живые, полные энергии глаза создавали впечатление неугасимой молодости. Но правда была куда удивительнее — совсем недавно ему исполнилось шестьдесят пять лет.

Секрет его вечной молодости крылся в чудесном зелье, добытом из молочной реки. Оно действовало необычно: не просто останавливало старение, но и сдерживало любые радикальные изменения тела. Талвин оставался словно застывшим в одной точке — его тело по-прежнему было гибким и выносливым, как у начинающего спортсмена, но без рельефных мышц, сколько бы он ни тренировался и ни увеличивал нагрузки. Казалось, сама природа поставила невидимый барьер: как ни старался Талвин преобразить себя через упорные тренировки, тело упорно сохраняло одну и ту же форму.

Он замер на мгновение, устремив взгляд вдаль. Странная пустота в голове мешала ему по-настоящему узнать себя. Кто он на самом деле? Юноша с памятью старика или старик, запертый в юном теле? Эти вопросы терзали его, заставляя вглядываться в глубины собственной души.

Талвин принадлежал к эволюции космического человека — одной из множества ветвей в этой необъятной галактике. На других планетах процветали иные формы жизни: где-то бродили могучие зверолоды с звериными чертами и острым умом, в иных мирах скрывались мудрые ящеролоды с чешуйчатой кожей, а где-то кипела жизнь инсектоидов с их сложной социальной иерархией.

Но сам Талвин выглядел вполне по-человечески:

глаза — карие, с тёплым оттенком, в которых порой вспыхивали золотистые искорки;
волосы — каштановые, средней длины, слегка растрёпанные, будто после лёгкого ветра;
рост — 179 см: не слишком высокий, чтобы бросаться в глаза, но и не низкий;
кожа — слегка смуглая, с лёгким загаром, который, казалось, не сходил круглый год.

внешность — непримечательная, такая, что встретив его однажды, через минуту уже не вспомнишь, как он выглядел.

Руки, ноги, пропорции тела — всё было абсолютно человеческим, без каких-либо аномалий или необычных черт. На такого посмотришь — и особо не запомнишь.

Размышления Талвина внезапно прервал голос Кайшина, его отца. Тот стоял неподалёку от спортивной площадки, в тени старого раскидистого дуба, и жестом подозвал сына к себе. — Иди сюда, — негромко, но твёрдо произнёс он, — Мне нужно тебе кое-что рассказать. В этих словах прозвучала такая непривычная для Кайшина серьёзность, что Талвин невольно замер на мгновение, а затем, отбросив все свои мысли, решительно направился к отцу.

— Не знаю, помнишь ты или нет, — начал Кайшин неторопливо, с лёгкой грустью в голосе, — но скоро тебе придётся покинуть это место. Максимальный срок пребывания тут для тебя — ровно 50 лет, и отведённое время почти истекло. Через месяц тебя ждут серьёзные испытания, к которым нужно тщательно подготовиться: они проверят и силу, и дух, и мудрость.

Но это, увы, не самое главное, — он сделал небольшую паузу, внимательно вглядываясь в лицо сына. — В очередной раз я расскажу тебе о твоей прошлой жизни. Из-за того, что ты всё забываешь — словно кто-то стёр воспоминания ластиком, — мне приходится повторять это снова и снова. Каждый раз я надеюсь, что хоть что-то отзовется в твоей душе, пробудит давние образы, поможет собрать воедино осколки твоего истинного «я».

— Не понимаю, отец, какая ещё прошлая жизнь? — удивился Талвин.

— Твоя болезнь весьма необычна, — продолжил Кайшин, и голос его прозвучал особенно весомо, будто каждое слово имело особую ценность. — Чтобы сдерживать её проявления, тебе приходится пить особое зелье, приготовленное из вод молочной реки. Но для тебя оно имеет странный, даже парадоксальный побочный эффект: почти всё, что ты знал или пережил в прошлом, стирается из памяти после его приёма.

Он сделал короткую паузу, внимательно наблюдая за реакцией Талвина, и добавил:

— Не знаю, к лучшему это или к худшему — порой мне кажется, что забвение защищает тебя, а порой я вижу в этом жестокую насмешку судьбы. Но факт остаётся фактом: только на тебя оно действует именно таким образом.

Удивление Талвина было настолько сильным, что оно мгновенно отразилось на его лице: брови невольно приподнялись, глаза расширились, а губы чуть приоткрылись, будто он хотел, что-то сказать, но слова застряли, где-то внутри. Он замер на мгновение, пытаясь осмыслить услышанное, а затем, преодолев секундное замешательство, попытался задать вопрос.

— Пожалуйста, не перебивай и выслушай до конца, — мягко, но твёрдо попросил Кайшин. Затем он коснулся обруча на своей голове — древнего артефакта с мерцающими камнями — и слегка сжал его пальцами, чтобы усилить образы, которые собирался передать. В воздухе тут же повисло едва уловимое мерцание, словно вокруг начали проявляться очертания невидимых картин.

— Это устройство погрузит тебя в воспоминания. А я буду помогать тебе, направляя телепатически.

Вдруг образы стали четкими, словно ожившие фрески:

Первое, что он услышал, едва закрыл глаза и погрузился в тишину собственного сознания, прозвучало резко и беспощадно:

— Я не твой отец, Талвин.

Слова ударили словно молния, пронзив всё его существо. Юноша инстинктивно дёрнулся, словно протестуя против этой фразы — внутри всё восстало, отказываясь принимать услышанное. Но годы тренировок и железная дисциплина, которую Кайшин терпеливо прививал ему день за днём, взяли верх. Талвин усилием воли заставил себя остаться неподвижным, сжал кулаки, чтобы унять внутреннюю дрожь, и глубоко вдохнул. Его взгляд, теперь устрем-

лённый в пустоту, был прикован к наплывающим картинам — размытым образам, которые начинали складываться в какую-то иную реальность, полную тайн и неизвестных ему прежде деталей.

Талвин увидел себя подростком — стройным мальчиком с горделивой осанкой, чьи глаза светились гордостью и уверенностью в собственных силах. Он был окружён роскошью: на нём блистали изысканные одеяния из драгоценных тканей, расшитые золотыми нитями и украшенные редкими камнями, а вокруг суетливо сновали слуги, готовые исполнить малейшее желание. Беззаботные дни текли, словно полноводная река, — учеба и состязания, развлечения, забавы с друзьями и празднества сменяли друг друга, не оставляя места тревогам.

Он принадлежал к древней знати — роду, чья родословная уходила корнями вглубь веков, в легендарные времена, когда первые маги Викантии закладывали основы государства. Его отец, величественный мужчина с благородными чертами лица, носил регалии министра — тяжёлые золотые цепи и перстни с родовыми печатями. Мать же была воплощением красоты и грации: её походка напоминала танец, а взгляд обладал той особой силой, что присуща женщинам, рождённым повелевать.

Сам мир Викантии дышал магией — она была его душой и его дыханием. Волшебство пульсировало в древних камнях дворцов, высеченных мастерами чародейями, — казалось, каждый блок хранил отголоски древних заклинаний. Оно витало в воздухе, напоённом ароматами цветущих садов, где лепестки волшебных растений источали едва уловимое сияние. Магия текла в жилах каждого, кто был ею одарён, — не просто как дар, а как неотъемлемая часть существа, как биение сердца или ритм дыхания.

Здесь волшебство не являлось чем-то отдельным, не являлось инструментом или силой, которую можно было использовать по желанию. Оно пронизывало всё сущее: шелест листьев, движение облаков, шёпот ветра. Оно проявлялось в мерцании росы на траве, в танце солнечных лучей сквозь витражные окна, в едва заметном свечении старинных книг в библиотеках. Магия была сутью Викантии, её основой, тем, что делало этот мир живым, неповторимым и поистине волшебным.

Здесь волшебство не являлось чем-то отдельным, не было инструментом или силой, которую можно использовать по желанию, — оно было сутью Викантии, её основой, тем, что делало этот мир живым, неповторимым и поистине волшебным. Народы Викантии давно оставили позади эпоху войн и распрей: государства здесь сосуществуют в мире не из-за страха или вынужденного перемирия, а благодаря высокому уровню нравственного развития своих жителей, ценящих мудрость больше, чем силу, а переговоры и компромиссы давно заменили битвы и конфликты — насилие считается пережитком далёкого прошлого, чем-то чуждым и противоестественным для этого мира.

Особую роль в поддержании мира играют Хранители — гигантские животные, чьи размеры сопоставимы с пятиэтажными зданиями: эти величественные существа, наделённые древней мудростью, издревле стоят на страже планеты, словно живые барометры гармонии — чувствуют малейшие нарушения энергетического баланса, улавливают вибрации грядущих угроз задолго до того, как они станут реальной опасностью, а их присутствие внушает уважение и спокойствие всем жителям Викантии — одно лишь знание о том, что Хранители рядом, дарит людям уверенность в завтрашнем дне.

Но истинная уникальность планеты кроется в особой связи её обитателей с магическими животными: жители Викантии могут вступать с ними в священный союз, который преображает обоих участников, даруя им новые возможности и открывая скрытые глубины души — чело-

век, объединяясь с животным, обретает его силу и способности (ночное зрение, позволяющее видеть в кромешной тьме так же ясно, как днём; обострённое обоняние, различающее сотни оттенков запахов; невероятную ловкость, с которой можно уклоняться от любой опасности; магическую связь с природными стихиями, дарующую власть над ветром, водой или огнём), его тело и дух укрепляются, а восприятие мира становится глубже, открывая новые грани реальности; животное же в этом союзе получает шанс на эволюционное развитие — трансформируется в промежуточную форму (существо, напоминающее человека, но сохраняющее характерные черты своего вида: пушистый хвост, чуткие звериные уши, ветвистые рога или чешуйчатую кожу), что открывает ему новые возможности для развития интеллекта и магических способностей, позволяя выйти за пределы своей природы и обрести новое понимание мира.

Такой союз — не просто временное слияние, а глубокий духовный процесс, меняющий сущность обоих участников: он может длиться дни, месяцы или годы, а после его завершения каждый сохраняет частицу силы и мудрости своего партнёра, что делает мир Викантии ещё более гармоничным и мудрым, укрепляя невидимые нити, соединяющие все живые существа планеты. Магия, гармония и взаимопонимание — вот что определяло суть этого удивительного мира, где каждый камень, каждое растение и каждое живое существо были частью великого замысла.

Затем видение перенесло Талвина в академию — величественное сооружение, чьи огромные шпили, казалось, парили в воздухе, касаясь самых облаков. Они мерцали магическим светом, а между ними струились потоки энергии, видимые лишь посвящённым. Воздух здесь был насыщен гулом заклинаний — от мощных, раскатистых формул старших курсов до лёгких, игривых чар новичков, — и звонким смехом учеников, наполнявшим пространство радостью и азартом познания.

В этих стенах Талвин был настоящей звездой. Его талант признавали все: преподаватели с восхищением отмечали глубину его магического дара, а сокурсники смотрели с завистью и восхищением. В юноше жила сила, вдвое превосходившая обычную, — она текла по его жилам, словно древний родник, наполненный чистой магической энергией. Она пульсировала внутри, ритмично, как второе сердце, то затихая на мгновение, то вновь пробуждаясь волной тепла и мощи. Эта сила не умещалась внутри — она находила выход в каждом действии: в произнесённом заклинании её присутствие выдавало лёгкое свечение вокруг ладоней, в каждом движении она придавала осанке особую стать, а походке — лёгкость и уверенность. Даже когда он просто стоял, казалось, воздух вокруг него чуть подрагивал, будто соприкасаясь с невидимой, но ощутимой аурой могущества. В его присутствии магические артефакты слегка мерцали, а зачарованные предметы отзывались на малейшее внимание — всё вокруг словно признавало в нём носителя редкого, исключительного дара.

Победы в состязаниях сыпались одна за другой: то он мастерски отражал атаку в учебной дуэли, то первым разгадывал древнюю загадку в зале артефактов или сложную магическую головоломку, то вызывал восхищение точным контролем над стихиями или укрощением зачарованных существ. Его имя не сходило с уст студентов, о нём шептались в коридорах, им восхищались младшие курсы. Даже при дворе о Талвине говорили, как о будущем столпе державы — перспективном маге, который однажды сможет занять место среди высших советников. Восхищение окружающих прельщало его чрезвычайно: оно льстило самолюбие и подпитывало амбиции.

Затем Кайшин показал ему Черепуху Феникса — удивительное создание, не просто питомца, а истинное воплощение золотого света. Её массивный, но изящный панцирь сиял, словно отполированное зеркало, в котором отражалось само солнце, рассыпая вокруг светя-

щиеся блики. Прозрачные крылья, казалось, были сплетены из утренней дымки и лунного сияния — они мягко мерцали, пропуская сквозь себя солнечные лучи.

Мать подарила ему этого чудесного питомца на четырнадцатилетие — день, когда юный маг впервые официально вступал на путь силы. В их мире такой дар никогда не был простым подарком: это был знак особого доверия и начала нового этапа в жизни. С помощью древнего обряда, передаваемого из поколения в поколение, Талвин установил магическую связь с питомцем. Церемония проходила в священной роще, под пение жрецов и мерцание зачарованных огней. В тот миг, когда их ладони соприкоснулись с панцирем черепахи, между юношей и существом возникла незримая, но прочная нить — питомец стал частью его души, хранителем его магии и верным спутником на всю жизнь.

Талвин не просто продолжал видеть картины прошлого — он всё глубже погружался в них, в полной мере ощущая своё существование в глубинах тонкоматериального мира, где само сознание пульсировало, словно живое существо.

В самом верху этой внутренней реальности, подобно ослепительной жемчужине, сиял Кристалл Сознания — величественный и незыблемый. Он не был просто сгустком энергии, а истинным центром мироздания внутри мастера, осью, вокруг которой формировалось особое пространство — Духовная Обитель. Именно здесь, в этом сакральном месте, мастер своей волей творил особые пространства, предназначенные для магических питомцев. Каждое такое пространство рождалось из его намерения, наполнялось силой его духа и становилось живым продолжением его сущности.

Чуть ниже располагались ещё шесть подобных пространств, каждое со своим особым кристаллом — не менее величественным, но обладающим уникальным характером. Всего их было семь: семь уровней, или «этажей» внутренней вселенной, каждый из которых излучал свой неповторимый свет и энергию. Они были связаны между собой незримыми нитями силы, образуя единую гармоничную систему. Эти уровни напоминали ступени духовного восхождения: от самых плотных, близких к физическому миру, до самых тонких, соприкасающихся с высшими планами бытия. Вместе они формировали целостную внутреннюю вселенную мастера — сложную, многогранную и полную тайн.

Кайшин продолжил рассказ, и голос его зазвучал торжественно, словно он повествовал о древней легенде:

— Позже у тебя появилась Громовая лисица — редкий, почти мифический зверь, способный исказить пространство вокруг себя. Её прозвали так из-за характерного хлопка, похожего на раскат грома, который возникал в тот самый миг, когда она использовала свои удивительные способности. Звук этот разносился на сотни шагов, заставляя вздрогнуть даже бывалых магов.

Изначально эта удивительная лисица предназначалась твоему отцу — он получил её в дар от правителя далёкой страны, с которой долгие годы поддерживал дипломатические связи. Но, увидев твой искренний интерес и восхищение, он принял решение порадовать тебя и отдал зверя тебе.

Ты был безмерно счастлив — и не мудрено. Такие питомцы встречались крайне редко, их считали живым воплощением магической силы. О них мечтали многие, в том числе и сам принц: он не раз расспрашивал придворных о том, где можно раздобыть подобное существо. Для тебя же этот дар стал не просто знаком любви отца, но и символом твоего особого пути в мире магии.

Жизнь твоя тогда была безмятежна, словно ясный летний день над спокойными водами озера. Все вокруг восхищались тобой — особенно после тех удивительных подарков, что подчёркивали твоё особое положение. Это не могло не оказать влияния на характер: постепенно в тебе укрепилось высокомерное убеждение, будто весь мир вращается вокруг тебя, словно ты — его невидимый центр. Ты привык к восхищённым взглядам, к тому, что желания исполнялись почти по мановению руки, к почтению, которое оказывали тебе окружающие.

Однако, при всей этой растущей уверенности в своей особой роли ты оставался добрым мальчиком — в сердце твоём не было места злобе или высокомерному презрению. Ты не использовал своё положение во вред другим, не стремился унижить или показать своё превосходство. Ты никому не причинял зла.

Кайшин всё глубже погружал Талвина в особое состояние за счёт обруча на голове, позволявшее лучше прочувствовать и вспомнить прошлое. Это было сродни настоящим воспоминаниям и перед глазами Талвина продолжали возникать все новые картины:

Тебе было всего пятнадцать лет, когда всё это случилось — в тот день, который позже многие вспоминали как поворотный. Весь город, от шумных торговых площадей до тихих жилых кварталов, жил в предвкушении прибытия важного гостя. Весь город, от шумных торговых площадей с их пёстрыми навесами и звонким гомоном торговцев до тихих жилых кварталов, где тенистые аллеи манили прохладой, жил в предвкушении прибытия важного гостя. Викантийцы перешёптывались — негромко, почти благоговейно. В этих шёпотах слышались и надежда, и любопытство, и едва уловимая тревога. Всё вокруг дышало ожиданием — словно сам город затаил дыхание, готовясь приветствовать того, ради кого сегодня ожила каждая его улица, каждый дом, каждый уголок.

Этим гостем был Аэрион Светлый — Верховный маг и Легенда государства, чьё имя уже много лет звучало в сказаниях и преданиях, передаваемых из уст в уста. Его называли хранителем древних знаний, стражем равновесия и мудрецом, чьи деяния вошли в летописи наравне с подвигами древних героев. О нём говорили негромко, почти благоговейно, словно опасаясь потревожить эхо его подвигов, которое, казалось, до сих пор витало в воздухе. Викантийцы понижали голоса, когда произносили его имя, и в каждом таком шёпоте слышалось неподдельное уважение и трепет.

Ходили сказания, поражавшие воображение: говорили, что пронизательный взгляд Аэриона способен прочесть душу человека до самого дна, увидеть скрытые намерения и тайные страхи. А одно его слово, произнесённое с должной силой, могло изменить судьбу целого города — направить её к процветанию или предостеречь от надвигающейся беды. Его присутствие ощущалось как нечто величественное и почти сверхъестественное: рядом с ним время будто замедляло свой бег, а воздух наполнялся едва уловимой магической вибрацией.

Он явился не для рутинной проверки, не для оказания помощи местным магам и не ради торжественного приёма. Нет, цель его визита была куда более значимой: он искал ученика. Того единственного, в ком горит особая искра — искра, способная разгореться в могучее магическое пламя. Того, кто не просто усвоит знания, но выдержит их груз, кто окажется достоин наследия, которое Аэрион намеревался передать. И в воздухе уже витало ощущение: этот выбор может изменить не только чью-то судьбу, но и будущее всего государства.

Аэрион медленно шёл по коридорам академии — величественный, невозмутимый, словно воплощение самой мудрости. Его серебристый плащ струился за спиной, словно сотканный из лунного света, а шаги отдавались тихим эхом в торжественной тишине. Взгляд Верховного мага скользил по лицам учеников, внимательно и пронизательно — он не просто смотрел, а считывал ауры, изучал пульсацию магических энергий, оценивая потенциал каждого.

Он ненадолго останавливался у дверей классов, склонял голову, вслушиваясь в ритм магических потоков, пронизывающих стены. В эти мгновения казалось, что сам воздух сгущается вокруг него, подчиняясь его воле. Аэрион изучал, анализировал, делал мысленные заметки — каждое движение, каждый всплеск силы не ускользали от его внимания.

Наконец, он достиг среднего класса, в котором учился Талвин, и вошёл внутрь. Ученики разом затихли, почувствовав мощь, исходящую от гостя. Даже воздух в аудитории, казалось, стал гуще, наполнившись магией.

— Сегодня вы столкнётесь с испытанием, — голос Аэриона громко и властно разнёсся по всей аудитории, достигая каждого уголка. — Вам предстоит приручить левиана. Это не просто проверка навыков — это испытание воли, выдержки и навыков. Тот, кто справится, докажет, что достоин идти дальше по пути магии.

По залу прокатился ропот. левианы. Эти жалкие, эфемерные создания, похожие на свтящиеся шарики с двумя беззащитными глазками. Их сила слишком мала. Микроскопическая молния, редкий, игрушечный вихрь. Они были не источником мощи, а объектом насмешек. Для Талвина, привыкшего к мощи Черепахи Феникса и грозной силе Громовой Лисицы, сама мысль о приручении левиана была унижительной.

— Они слабы, — продолжал Аэрион, и в его голосе не было ни грани снисхождения, лишь сухая констатация факта. — Но именно их слабость делает их идеальным диагностическим инструментом для меня., т.к. именно благодаря ним я увижу ваши энергоцентры более детально.

Аэрион медленно поднял руку, и в воздухе над его ладонью замерцало необычное свечение. Постепенно оно оформилось в прибор — хрустальную сферу, пронизанную тонкими золотыми нитями, которые переплетались внутри, словно миниатюрная карта звёздного неба. Сфера мягко пульсировала, излучая приглушённый свет, и от неё исходила едва уловимая магическая вибрация.

Этот древний артефакт был создан мастерами эпохи Первого Рассвета — он мог позволить всем присутствующим увидеть слияние энергий во всей его полноте: не просто ощутить его отголоски, а воочию наблюдать, как потоки силы сплетаются в единое целое, образуя новые узоры магической ткани мира. Ученики затаили дыхание, зачарованные зрелищем: казалось, в этой сфере заключена частица самой вселенной.

— Энергоцентры — основа вашей магии. Они подобны органам, но существуют в тонкоматериальном мире, и связаны с телом энергетическими каналами. Это как кровеносная система, только в области магии, и сегодня вы впервые не только услышите, но и увидите их своими глазами.

Дети из знатных семей, с детства привыкшие к почёту и превосходству над другими, невольно морщились, едва услышав слова верховного мага. Приручить левиана? Мысль об этом вызвала в них не просто досаду — она казалась откровенным унижением, прямым оскорблением их высокого статуса и благородного происхождения. В их представлении подобные занятия годились разве что для учеников из младших классов или для тех, чьи семьи не могли похвастаться древними магическими традициями.

Но Аэрион, величественный и непреклонный, не оставил им ни малейшей возможности для возражений. Его взгляд, холодный и пронизательный, обвёл всех по очереди, не позволяя никому укрыться от его воли.

— После испытания вы сможете избавиться от питомца, — холодно добавил он, и его голос прозвучал как окончательный приговор. — Но сейчас — действуйте.

Ученики выходили по очереди. Произносили заклинания. Держали в руках крошечные фрагменты души левиана. Кто-то вскрикивал от радости, почувствовав связь. Кто-то отступал, разочарованный неудачной попыткой.

Аэрион внимательно наблюдал. Его глаза видели больше, чем обычные викантийцы: он различал оттенки ауры, пульсацию энергоцентров, мельчайшие колебания магической силы. Он искал особенного.

И вот очередь дошла до Талвина. Он вышел вперёд, в груди бешено стучало, в руках лежал маленький левиан.

Он произнёс заклинание, которое звучало необычно громко, и казалось, что все стены академии отразили и усилили его слова.

Душа Талвина откликнулась. Крошечный фрагмент его души потянулся к левиану. Свет вспыхнул ярче, на миг ослепив всех, а затем левиан исчез.

Связь установилась.

Талвин почувствовал его мгновенно в духовном пространстве — он оказался лёгким, практически невесомым по сравнению с другими его питомцами. Талвин улыбнулся, уже представляя, как испытает новую силу. Но в тот же миг его тело пронзила острая боль.

Кожа покрылась странными синими пятнами, словно под ней растекалась чужеродная энергия. Ноги внезапно подкосились, и он рухнул на колени, задыхаясь. Воздух будто сгустился, не давая сделать вдох.

— Скорее, лекаря! — разорвал тишину чей-то крик.

Очнулся он в полумраке лечебницы, тело ощущалось тяжёлым, словно налитым свинцом. С трудом приподняв веки, он увидел родителей — их лица, измученные тревогой, казались бледными тенями.

На его руках находились браслеты, пульсирующие мягким светом. Они впивались в кожу, но именно их энергия удерживала его в сознании.

— Как ты себя чувствуешь? — голос матери дрожал.

— Я плохо, — прошептал Талвин. — Тело не слушается. И внутри что-то чужое. Будто мешает мне. Мама, мне страшно. Что со мной?

Она заплакала. Слезы катились по её щекам, падая на его ладонь.

— Ты потерял сознание, — заговорил отец. — Тебя принесли сюда, и лекари они думали, что ты мёртв. Долго не могли понять, что происходит. Только амулеты показали, что — ты ещё с нами.

— Потом пришёл Аэрион, — продолжила мать. — Он положил рядом кристалл, и ты снова начал дышать.

Талвин медленно опустил взгляд, и его глаза встретились с существом, безмолвно лежавшим у ног. Это был левиан — но теперь он выглядел несколько иначе. Его привычное сияние не просто мерцало, а стало глубже, насыщеннее, приобретая таинственную силу. В переливах света проступали странные синие всполохи — они вспыхивали и гасли, будто далёкие зарницы в ночной глубине, создавая причудливую игру оттенков. Казалось, внутри существа пробуждается неведомая энергия, и каждая вспышка синих искр намекала на грядущие перемены, таящиеся в самой его сути.

— Это всё из-за него! Нужно скорей от него избавиться! — резко выдохнул Талвин, пытаясь вложить в слова всю силу негодования, но голос предательски дрогнул и прозвучал едва громче шёпота.

— Мы пытались сынок, но лекари сказали, что если так сделать, то вы оба умрёте. Они много раз проверили и уверяют, что именно он помогает тебе держаться. Твоя болезнь больше похожа на проклятие и левиан тут не причём. Лекари обязательно тебе помогут сынок, нужно только подождать, а сейчас лучше поспи.

На следующий день Талвин предпринял попытку подняться с постели, но всё оказалось тщетно. Тело не слушалось: оно казалось чужим, неповоротливым, словно кто-то выкачал из него всю силу, оставив лишь пустую оболочку. Руки дрожали, ноги подкашивались, а каждый вдох давался с таким трудом, будто воздух вдруг стал густым и вязким. Он сделал попытку встать — и тут же рухнул бы на пол, если бы не заботливые руки отца, вовремя подхватившие его.

Родители не отходили от него ни на шаг. Мать то и дело поправляла одеяло, смачивала губы прохладной водой и шептала слова утешения, а отец сидел у изголовья, внимательно следя за каждым движением сына. Их радость от того, что он наконец очнулся после долгого забытья, смешивалась с леденящим ужасом перед неизвестностью. Они переглядывались украдкой, и в их взглядах читался немой вопрос: что же произошло? Почему их сильный, полный жизни мальчик теперь так слаб? В воздухе повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Талвина и звуком старинных часов в углу комнаты.

Спустя время лекари сказали правду:

— У него редкая болезнь в виде проклятья, которая стремительно пожирает силу — магическую и физическую. На данный момент браслеты и медальон — единственное, что позволяет ему оставаться в сознании.

Неделя тянулась очень медленно. Боль отступала неохотно, оставляя после себя слабость, казалось, что тело невероятно отяжелело и не сможет вернуть былую подвижность. Время от времени навещали друзья, но с натянутыми улыбками и с наигранной бодростью в голосе. Они рассказывали о школе, о пустяках, о том, как кто-то провалил испытание по атакующей магии, как в столовой опять готовят не вкусно. Талвин слушал, кивал, но слова доносились до него, как сквозь толщу воды.

Лишь спустя десять долгих дней состояние Талвина понемногу стало улучшаться. Он уже мог сидеть в постели, хотя слабость всё ещё сковывала движения.

В один из таких дней отец подошёл к нему. В глазах родителя читалась огромная усталость — тёмные круги под глазами, едва заметные морщины, проступившие за эти тревожные дни, говорили о бессонных ночах и тяжёлых думках. Хотя на губах отца играла улыбка, призванная вселить в сына уверенность.

Талвин невольно задержал дыхание, когда заметил в руках отца медальон. Крохотный, изящный, он отливал перламутром в свете ламп, переливаясь мягкими светящимися бликами. Линии узора на его поверхности были выписаны с поразительной точностью — словно мастер вложил в эту работу частицу души. Но сияние медальона не было ярким: оно напоминало трепетное мерцание, будто внутри него тлел уголёк далёкой звезды, сохранивший отблеск древнего света.

— Надень его, — тихо и серьёзно произнёс отец. — Он не простой, этот медальон, и должен помочь тебе восстановить силы. Давай я помогу надеть.

Отец осторожно расстегнул застёжку и бережно надел украшение на шею сына. В тот миг, когда металл коснулся кожи, Талвин ощутил едва уловимое тепло, словно медальон действительно хранил в себе каплю живой энергии. Но как только медальон оказался на его груди, он сразу же почернел, а весь его свет исчез, словно втянулся внутрь. Однако, вместе с этим в тело вернулась капля силы — хоть и едва ощутимая, ноги перестали подкашиваться, а дыхание выровнялось.

Позже он узнал истинную цену медальона — и сердце его сжалось от осознания того, какую жертву принёс отец. Оказалось, что ради этого крохотного украшения родитель выложил половину всего своего состояния. Чтобы раздобыть нужную сумму, ему пришлось пойти

на крайние меры: он продал драгоценные фамильные реликвии, хранившиеся в семье веками, — старинные перстни с магическими камнями, серебряные чаши работы древних мастеров и много других ценных вещей.

Более того, отец заложил часть родовых земель — тех самых, что передавались из поколения в поколение, с которыми были связаны воспоминания детства, семейные традиции и гордость рода. Он не остановился ни перед чем, потому что викантийцы, к которым он обратился за помощью, твёрдо сказали ему:

— Он редкий, этот медальон. Единственный в своём роде. Ничто другое не даст нужного эффекта. Только он может помочь твоему сыну.

Талвин представил, как отец метался между ростовщиками и антикварами, как торговался, умолял, убеждал — и всё ради того, чтобы спасти его. Осознание этой безграничной любви и самопожертвования наполнило душу юноши одновременно благодарностью и тяжёлой болью.

А спустя месяц в городе начали происходить странные, необъяснимые события, которые затронули каждого жителя. Атмосфера наполнилась тревогой: викантийцы всё чаще замечали, что их имущество бесследно исчезает. Сперва пропажи были редкими и почти незаметными — кто-то недосчитался ложки из столового серебра, у кого-то пропала любимая книга с полки, — но вскоре случаи участились, и страх охватил весь город.

Жители пребывали в постоянном напряжении, опасаясь за своё имущество. Вещи исчезали одна за другой — причём не только ценные, но и самые обычные, казалось бы, никому не нужные: деревянные ложки, отрезки простой ткани, старые глиняные горшки, детские игрушки. По городу поползли слухи: говорили, что это проделки нечистой силы или проклятие, наложенное на город неведомым колдуном.

И хотя самих виновников краж никто ни разу не видел, их присутствие ощущалось повсюду. В пустых домах скрипели половицы, в переулках слышался шёпот, а по ночам тени скользили вдоль стен, будто проверяя, что ещё можно унести. Горожане ставили дополнительные запоры, нанимали ночных сторожей, но всё было тщетно: пропажи продолжались.

Власти объявили баснословную награду за поимку грабителей — сумму, способную обеспечить целую семью на годы вперёд. Но несмотря на это, ни у кого не было даже примерных подозрений и идей, кто бы это мог быть и как им удаётся оставаться незамеченными. Страх перед невидимой угрозой лишь усиливался, превращая некогда оживлённые улицы в пустынные, настороженные пространства, где каждый взгляд был полон недоверия.

В районе, где жила семья Талвина, кражи также случались регулярно. Отец стал мрачнее тучи, ведь после покупки восстанавливающего медальона и браслетов бюджет их стал сильно ограничен, а теперь ещё и эти происшествя приносили все большие убытки.

Но потом начались странности и похуже — в один из дней треть их фамильного замка словно растворилась, да и в других зданиях города вдруг появились необъяснимые дыры. Никто не понимал, что происходит, и было решено созвать специальный совет для поиска решения. Однако прошел еще один месяц, но ситуация с исчезновением вещей не улучшалась.

Тем временем состояние Талвина понемногу улучшалось — настолько, что он вновь смог посещать занятия в магической академии. Юноша с радостью переступал порог знакомого здания, вдыхал запах старых книг и ощущал лёгкое покалывание магических потоков в воздухе, но радость омрачалась пониманием: за всё это время никто так и не смог найти способ полностью излечить его болезнь.

Лекари, к которым обращались родители, разводили руками в бессилии. Одни строили сложные теории о природе недуга, другие предлагали сомнительные методы лечения, третьи пичкали юношу разнообразными зельями — густыми, пахучими, порой вызывающими голо-

вокружение. Но от этих снадобий почти не было результата: они могли на время облегчить симптомы, но не устраняли саму причину болезни.

В отчаянии целители предложили даже купить ещё один такой же медальон, что висел на шее Талвина, — якобы двойное воздействие могло бы дать нужный эффект. Однако эта идея оказалась практически неосуществимой: артефакт был уникальным, единственным в своём роде, и найти ему замену не представлялось возможным.

Периодически на юношу надевали другие талисманы — древние амулеты, заряженные сильнейшими заклинаниями, обереги, передававшиеся в семьях магов поколениями. Но стоило их коснуться кожи Талвина, как они тут же распадались на части — металл трескался, камни крошились в пыль, нити разрывались, словно сама болезнь отторгала любую чужеродную магию. Всё было бесполезно, и с каждым новым провалом в душе юноши нарастало горькое чувство безысходности.

В один из дней Талвин, превозмогая слабость, пришёл на занятия в Академию. Его тело по-прежнему слушалось плохо: движения давались с усилием, мышцы то и дело подрагивали от напряжения, а в висках иногда пульсировала тупая боль. Но юноша упрямо держался — он не хотел пропускать уроки и показывать свою уязвимость перед однокурсниками.

Шёл урок защитной магии, который традиционно проводился на просторном дворе Академии — под открытым небом, где было достаточно места для отработки заклинаний. Вокруг раскинулась зелёная лужайка, залитая ярким солнцем; в воздухе витал свежий аромат скошенной травы, смешиваясь с запахом нагретой земли. Лёгкий ветерок шевелил волосы, и Талвин невольно замер на мгновение, наслаждаясь этими ощущениями. Ему захотелось вдохнуть глубже, полной грудью — ощутить, как жизнь вливается в него вместе с чистым, тёплым воздухом

И вдруг всё изменилось в один миг. Резкая боль пронзила тело, словно его внезапно ударили невидимым копьём. Она вспыхнула в области живота и мгновенно разлилась по всему телу, заставляя мышцы сжаться в судороге. Талвин инстинктивно схватился за живот руками, а его губы приоткрылись в беззвучном стоне. В следующий миг земля словно дрогнула и ушла из-под ног — мир перед глазами потемнел, звуки отдалились, и он почувствовал, что теряет равновесие, медленно оседая на мягкую траву.

Когда Талвин наконец очнулся, первое, что он ощутил, — глубокий, колющий снег под ногами, пробирающий холодом даже сквозь обувь. Вокруг простирался дикий лес: мрачные вековые деревья с корявыми ветвями, густые заросли кустарников, покрытые инеем, и ни единого следа человеческой руки. Воздух был ледяным, он обжигал лёгкие при каждом вдохе.

— Где я? — громко выкрикнул юноша, и его голос, слабый и надломленный, потерялся в безмолвии леса. В ответ — лишь тишина, нарушаемая лишь редким скрипом старых веток, раскачиваемых порывистым ветром.

Из последних сил Талвин сотворил заклинание, призванное согреть его. Оно вспыхнуло тусклым, дрожащим пламенем вокруг него, но вместо облегчения принесло лишь новые мучения: магия действовала непредсказуемо. То появлялась, то исчезала, словно утекала сквозь пальцы, а каждый всплеск силы отзывался острой болью в висках и головокружением. Он отчётливо чувствовал: магической энергии почти не осталось. Любая попытка применить силу могла привести к обмороку или ещё худшим последствиям.

Раньше он мог одним мысленным приказом призвать своих магических питомцев — но теперь связь с ними полностью пропала. Телепатический канал, всегда бывший надёжным, словно оборвался, оставив его в одиночестве.

Рядом был только левиан — маленький, едва заметный светящийся шарик, который беспомощно кружил у его ног, будто пытаясь что-то сказать. Талвину вдруг отчаянно захотелось пнуть его — выплеснуть всю злость и отчаяние, — но даже на это у него не было сил. Он лишь сжал кулаки, глубоко вдохнул ледяной воздух и попытался собраться с мыслями.

Он совершенно не представлял, куда идти, но брести куда-то вслепую не имело смысла. Собравшись с мыслями и глубоко вдохнув морозный воздух, он принял решение забраться на одно из деревьев, чтобы осмотреться, хотя это и стоило бы ему огромных усилий. Казалось, прошла вечность, пока он вскарабкался вверх по могучим ветвям, покрытым сырым жестким мхом и колючим снегом. Его усилия были вознаграждены, с высоты он смог рассмотреть местность и увидел, что лес сменяется небольшими холмами и горами. Спускаться пришлось осторожно, силы заканчивались, в коленях ощущалась неприятная дрожь, а замерзающие руки с трудом держались за изогнутые скрипящие ветви.

Он совершенно не представлял, куда идти, но брести куда-то вслепую не имело смысла — это лишь растратило бы последние силы впустую. Собравшись с мыслями и глубоко вдохнув колючий морозный воздух, который обжёт лёгкие, Талвин принял решение: нужно забраться на одно из деревьев, чтобы осмотреться. Он понимал, что это потребует огромных усилий, но иного выхода не было.

Медленно, преодолевая усталость, он подошёл к могучему дубу — его ветви, покрытые сырым жёстким мхом и колючим снегом, уходили высоко в серое небо. Каждое движение давалось с трудом, руки дрожали, но юноша упрямо начал карабкаться вверх. Казалось, прошла целая вечность, пока он, задыхаясь и обливаясь потом, карабкался по шершавому стволу. Пальцы, онемевшие от холода, едва слушались, но он упорно подтягивался всё выше.

Наконец, оказавшись на достаточной высоте, он огляделся — и усилия были вознаграждены. Вдалеке лес сменял свой густой покров небольшими холмами, за которыми вырисовывались очертания гор, окутанных лёгкой дымкой. Сердце юноши чуть воспрянуло: возможно, там, среди холмов, найдётся путь к спасению.

Спускаться пришлось осторожно — силы почти закончились. В коленях ощущалась неприятная дрожь, мышцы ныли от напряжения, а замёрзшие руки с трудом держались за изогнутые скрипящие ветви. Он едва не сорвался пару раз, но всё же сумел спуститься на землю.

Отдышавшись после трудного спуска с дерева и слегка согрев онемевшие пальцы в карманах, Талвин медленно пошёл в направлении одного из холмов, который приметил сверху. Каждый шаг давался с усилием — тело ныло от напряжения, а усталость тяжёлым грузом давила на плечи.

Возможно, оказавшись на вершине холма, он сможет увидеть вдалеке поселение, дорогу или хотя бы какие-то признаки цивилизации — тропу, проложенную людьми, или очертания моста через реку. Эта мысль придавала сил, но лишь чуть-чуть: реальность напоминала о себе на каждом шагу.

Он шёл вперёд, разгибая ветви кустарников, которые цеплялись за одежду, словно пытаясь задержать его, помешать продвижению. Колючие сучья царапали руки, рвали плащ и заставляя на мгновение останавливаться. Рыхлый снег проваливался под ногами с глухим хрустом, утягивая вниз, заставляя тратить ещё больше сил на каждый шаг. Талвин то и дело увя-

зал по колено, выбирался с трудом, переставлял ноги, снова проваливался — это изматывало, высасывало остатки энергии.

В голове было тяжело, мысли путались, а странное предчувствие время от времени сжимало всё внутри, словно предупреждая об опасности. Он невольно оглядывался по сторонам, вслушивался в тишину леса, но слышал лишь собственное прерывистое дыхание, скрип снега под ногами и редкий треск веток, где-то вдали. Тревога нарастала, но юноша упрямо шёл вперёд — назад пути не было, а впереди могла ждать спасительная надежда.

Его мрачные мысли прервал протяжный волчий вой — низкий, гортанный, пробирающий до костей. А затем справа, из-за заснеженных елей, показался волк. Он стремительно приближался, бесшумно ступая по снегу, его глаза горели холодным голодом. Раньше Талвин с лёгкостью справился бы с ним — парой заклинаний или призывом магических питомцев. Но сейчас у него не было ни сил, ни магии, а надеяться на левиана было бессмысленно: тот лишь беспомощно мерцал у ног.

Пытаясь спастись, юноша бросился к ближайшему дереву и начал карабкаться на него, цепляясь за ветви. Но было слишком поздно — волк настиг его, схватил за ногу и с силой потащил вниз, вгрызаясь в кожу сквозь ткань штанины.

И вдруг левиан ударил электрическим разрядом — слабым, почти игрушечным на вид, словно искра от костра, случайно сорвавшаяся в сторону. Но для волка этого оказалось достаточно: зверь резко отпрянул с коротким рыком, заскулил и начал судорожно кататься по снегу, пытаясь сбить с шерсти невидимую угрозу. Его тело дёргалось в конвульсиях, а шерсть на загривке встала дыбом.

левиан же, к удивлению Талвина, впервые в своей жизни взмыл в воздух — его светящийся шар, обычно едва заметный у ног юноши, теперь поднялся выше, выше и наконец завис на нижней ветке дерева, мягко мерцая и пульсируя энергией.

Талвин, собрав остатки сил, начал карабкаться на дерево. Ветви скрипели под его весом, угрожающе трещали, а ладони, израненные острыми сучками, кровоточили, оставляя алые капли на коре. Он подтягивался, цеплялся, переставлял ноги, задыхаясь от боли и усталости, пока наконец не закрепился на относительно прочной развилке, тяжело дыша и вцепившись в ствол.

Внизу, в сумрачной тени деревьев, замерли еще несколько волков. Их тёмные силуэты почти сливались с лесной тьмой, лишь глаза мерцали холодным, нечеловеческим светом — два, четыре, шесть пар, неотрывно следящих за ним. Они не спешили уходить, не бросались в атаку, а лишь молча, неумолимо наблюдали, будто знали, что время работает на них.

Время словно остановилось. Талвин застыл, вцепившись в ветку, и ему оставалось лишь ждать, пока силы окончательно не покинули его. Жгучая боль в месте укуса становилась всё нестерпимее, пульсировала в такт ударам сердца, гулко отдаваясь в висках. В глазах темнело, по телу разливалась пугающая слабость, словно кто-то вытягивает из него последние крохи энергии. Юноша сжал зубы, пытаясь удержаться в сознании, но понимал: ещё чуть-чуть — и он потеряет его, провалившись в вязкую темноту, где не будет ни боли, ни страха, ни надежды.

Когда Талвин медленно открыл глаза, он с изумлением обнаружил, что нога была цела. Ни отёка, ни кровоточащей раны — словно и не было того жестокого укуса, оставившего жгу-

чую боль всего несколько мгновений назад. Он невольно коснулся места, куда впились клыки волка, и не почувствовал ни пульсации, ни жара воспаления.

Сначала юноша подумал, что это действие браслетов — тех самых защитных артефактов, что он носил на руках. Но тут же понял: дело не в них. Он ощутил странное, едва уловимое покалывание по всему телу и, опустив взгляд, увидел, что его кожа слабо светится мягким, серебристо голубым светом.

А потом он услышал короткий, но властный голос:

— Держись.

Это не мог быть левиан — его тоненький, едва слышный шепоток был совсем иным. Нет, это говорила Громовая лисица, его магический питомец. Талвин ощутил её присутствие — далёкое, но отчётливое, словно она дотянулась до него через немыслимые расстояния.

То, что произошло, поразило юношу до глубины души: лисица помогла ему без его приказа, самостоятельно приняла решение и направила свою силу на исцеление. Подобное считалось крайне редким — обычно такие сложные действия требовали прямого волевого посыла хозяина и изучались лишь в старших классах академии. В этот миг Талвин почувствовал, как в груди разливается тепло благодарности: его питомец оказался гораздо сильнее и мудрее, чем он мог себе представить.

А дальше оставалось только ждать — ждать, пока волкам надоест стоять под деревом и они уйдут прочь. Время тянулось мучительно медленно, каждый миг казался часом. Талвин сидел на развилке ветвей, вцепившись в ствол, и неотрывно следил за хищниками внизу. Их горящие глаза по-прежнему были устремлены на него, а низкие рыки доносились до юноши, напоминая, что опасность не миновала.

Пару раз, когда левиан накапливал достаточно сил, он наносил удары — сначала электрическим разрядом, который с треском проскакивал между ветвями и достигал земли, заставляя волков отпрыгивать в сторону. Затем, собрав энергию, левиан создавал воздушную волну — не слишком мощную, но достаточную, чтобы сбить хищников с ног и заставить отступить на несколько шагов.

Волки недовольно рычали, скалились, но постепенно начали понимать: добыча на дереве им не по зубам. Они кружили вокруг, принюхивались, переглядывались, но больше не решались нападать. Спустя примерно тридцать минут, обменявшись короткими звуками, напоминающими переговоры, стая начала медленно отступать. Сначала один волк, потом другой, третий — они отходили всё дальше, пока не скрылись за густыми елями.

Когда левиан, зависший над верхушками деревьев, подал знак, что больше не видит хищников, Талвин осторожно начал спускаться. Ветви скрипели под его весом, ладони, покрытые царапинами, дрожали от напряжения. Спустившись на землю, он сделал глубокий вдох, прислушался к тишине леса и, собрав остатки сил, направился к виднеющемуся вдали холму.

До холма оставалось уже недалеко — он смутно вырисовывался на фоне серого неба, но прямо впереди, преграждая путь, текла река. Её тёмная вода едва проглядывала сквозь тонкий слой льда, который выглядел обманчиво хрупким. И вдруг сзади, за спиной, снова послышался предательский хруст снега — волки не сдавались, они шли по следу, неумолимые и настойчивые.

Талвин резко обернулся, на мгновение замер, оценивая опасность, а затем твёрдо приказал левиану:

— Защищай!

Сам же, стиснув зубы, ступил на тонкий лёд. Он двигался осторожно, на четвереньках, ощупывая каждый сантиметр перед собой, проверяя, выдержит ли ледяная корка его вес. Пальцы скользили по шершавой поверхности, дыхание вырывалось облачками пара, а сердце билось часто и тревожно.

Но в какой-то момент раздался резкий треск — лёд треснул с пугающим звуком, и Талвин не успел отреагировать. Холодная вода мгновенно утянула его, обжигая холодом и лишая дыхания. Течение оказалось невероятно быстрым — оно с силой подхватило юношу, понесло вперёд, ударя о скрытые под водой камни.

Он почувствовал резкий удар в бок, перед глазами вспыхнула боль, а затем всё поплыло. Сквозь мутную воду и вихрь водоворота он смутно различил лицо человека — неясное, размытое, будто видение из забытого сна. А потом силы окончательно покинули его, сознание затуманилось, и он потерял связь с реальностью, уносясь куда-то в ледяной поток.

Неясно, как его перенесло в это место — словно сама магия швырнула его сквозь пространство и время. Когда Талвин пришёл в себя, он обнаружил, что находится уже в другом лесу. Здесь не было ни горы, маячившей на горизонте, ни горной речки с её стремительным течением, ни следов волков, преследовавших его. Лишь левиан парил рядом, мягко мерцая в полумраке, — единственный знакомый элемент в этом чуждом мире.

Юноша попытался вспомнить, что произошло после того, как он провалился под лёд, и мысленно обратился к левиану:

— Что случилось? Где мы?

Левиан ответил телепатически, и в его мысленном голосе сквозило такое же недоумение:

— Я не помню ничего после того момента, как ты ушёл под воду. Всё словно стёрлось из памяти.

Одежда Талвина была неприятно влажной, холод пробирал до костей, и он начал замерзать. Пытаясь согреться, он сделал несколько шагов вперёд — и внезапно снег под ногами сменился опавшей осенней листвой. Хруст сухих листьев под сапогами прозвучал непривычно и тревожно. Юноша резко обернулся и шагнул назад — снова под ногами закрипел снег, а воздух обжёг морозом.

Он замер, поражённый. Это место было каким-то неправильным. Границы времён года здесь словно смешались, перетекали друг в друга без всякой логики. Перед ним вновь раскинулся осенний пейзаж: золотистые берёзы, багряные клёны, ковёр из опавших листьев, в котором прятались грибы. Воздух заметно потеплел, пах прелой листвой и влажной землёй.

Талвин задумчиво посмотрел вперёд, туда, где линия деревьев казалась особенно прозрачной. Возможно, если пройти дальше, лес встретит его весной с цветущими кустарниками и звонким щебетом птиц — или даже летом, с жарким солнцем и ароматом полевых цветов. Но что скрывалось за этой странной сменой сезонов, он не знал.

И вдруг впереди, сквозь лёгкую дымку тумана, он ясно увидел небольшой городок. Двухэтажные каменные дома с черепичными крышами выстроились вдоль тихих улиц, но вокруг не было ни души — ни спешащих по делам горожан, ни лающих собак, ни даже воробьёв у водосточных труб. Всё выглядело застывшим, словно время здесь остановилось.

Талвин, дрожа от холода и изнеможения, побежал к поселению, надеясь найти приют и согреться. Ноги подкашивались, дыхание сбилось, но он упрямо продвигался вперёд, глядясь в очертания домов.

Над головой внезапно пролетела странная птица — не похожая ни на одну из тех, что он видел раньше. Она громко жужжала, как огромный шмель, а её крылья отливали металлическим блеском и сверкали на солнце. Звук был незнакомым, пугающим, он заставил юношу вздрогнуть и ускорить шаг.

Добежав до первого здания, Талвин ворвался внутрь и бросился вверх по лестнице на второй этаж. Он уже хотел перевести дух, прислонившись к стене, как вдруг услышал пронзительный свист — резкий, нарастающий, от которого заложило уши. Сверху сбросили огромный снаряд.

Не успел он сообразить, что происходит, как крыша с грохотом обрушилась. Бревна и черепица полетели вниз, едва не задавив его. В последний момент юноша отпрыгнул ближе к стене.

Раздался чудовищный взрыв — оглушительный, сотрясающий стены. Талвина подбросило в воздух и как куклу, швырнуло в сторону. Острые осколки разлетелись во все стороны, впиваясь в ноги, разрывая одежду и кожу. Боль пронзила тело, но в долю секунды до удара о землю он успел заметить небольшое круглое зеркало, лежащее на полу — оно блеснуло тусклым светом, отразив его искажённое лицо. Талвину показалось, что он проваливается внутрь этого зеркала, а потом всё погрузилось во тьму.

Очнулся он уже на кровати — в незнакомой комнате с бледно голубыми стенами, украшенными тонкими узорами в виде виноградных лоз. В воздухе витал тонкий, успокаивающий запах лаванды, смешиваясь с едва уловимым ароматом целебных трав. Всё тело ныло, каждая мышца отзывалась тупой болью при малейшем движении, а в ушах всё ещё стоял отзвук того страшного взрыва — далёкий, но настойчивый, будто эхо в пустой пещере.

Постепенно зрение прояснилось, и в поле зрения появился мужчина. На вид ему было около тридцати лет: короткие рыжие волосы слегка вились у висков, а пронзительные голубые глаза смотрели внимательно и участливо, словно пытались прочесть мысли Талвина.

— Привет, меня зовут Кайшин, — мягко произнёс он, склонившись чуть ближе. Его голос звучал уверенно, но в то же время успокаивающе.

Рядом с ним стояла девочка лет двенадцати — худенькая, с большими любопытными глазами и русыми косичками, выбивающимися из-под капюшона. Она смотрела на Талвина с живым интересом, но старалась держаться чуть позади Кайшина.

— Это Асияль, — представил её мужчина, слегка коснувшись плеча девочки. — Моя помощница.

Талвин попытался сесть, но острая боль в ногах заставила его застонать и откинуться на подушки. Он чувствовал себя опустошённым, словно из него выкачали все силы, а разум всё ещё путался между реальностью и воспоминаниями о взрыве.

— Тебе сильно повезло, — продолжил Кайшин, заметив его попытку подняться. — Когда мы тебя нашли, твои ноги были все изранены и обгорели. Мы вытащили осколки, обработали раны и дали сильное зелье. Сначала было очень плохо — ты едва дышал, но потом зелья сделали своё дело. Ты пошёл на поправку, хотя и не сразу.

Кайшин говорил спокойно, просто и по-доброму, без лишних слов. В его голосе звучала та особая интонация, которая сразу внушает доверие: будто он не просто сообщал факты, а

делился частичкой своего тепла. И в этих словах, произнесённых так буднично, но с неподдельной заботой, Талвин почувствовал опору — словно земля под ногами вдруг перестала качаться, а мир вокруг стал чуть более устойчивым.

Юноша медленно кивнул, стараясь уложить в сознании всё, что услышал. Сознание всё ещё было затуманено, мысли текли тяжело, как вязкий мёд, но постепенно реальность обретала более чёткие очертания. Он перевёл взгляд на Настю — девочка стояла рядом, теребя край своего платья, и вдруг улыбнулась ему. Улыбка вышла робкой, почти неуловимой, будто Асияль боялась, что её жест будет воспринят неверно. Но в ней было столько искреннего участия и желания поддержать, что Талвин невольно ответил едва заметной улыбкой в ответ.

Когда состояние Талвина немного стабилизировалось, Кайшин приступил к расспросам. Его глаза, острые и внимательные, словно сканировали каждое слово, каждую эмоцию на лице юноши. Талвин, собравшись с мыслями, начал рассказывать — о внезапном падении сквозь землю, о ледяном мире со снегом и волками, о странном переходе через реку, которая выбросила его в совершенно иную реальность.

— Интересное у тебя приключение, — задумчиво произнёс Кайшин, слегка откинувшись на спинку стула. В его голосе звучало не просто любопытство, а что-то большее — словно он пытался осмыслить услышанное. — Я расскажу тебе, где ты оказался.

Он сделал небольшую паузу, будто подбирая слова, и продолжил более серьёзно:

— Мы сейчас находимся на искусственно созданном острове. Он сокрыт от остального мира, существует в особом охраняемом пространстве — в автономной зоне с собственной структурой пространства времени, отдельно от остальной Вселенной.

Кайшин чуть наклонился вперёд, его взгляд стал пронзительным, но не угрожающим — скорее изучающим.

— Твоя родная планета, Викантия, — не спрашивай, откуда я это знаю, — находится невообразимо далеко от нас. Настолько далеко, что даже представить сложно: между нами, не просто километры, а целые слои реальности.

Он помолчал, давая Талвину осознать сказанное, и добавил:

— То, что ты здесь, — настоящая аномалия. Ты не должен был тут очутиться. Сюда попадают только те, кто прошёл предварительные испытания, кто доказал свою силу, стойкость, мудрость. А ты — Кайшин окинул взглядом бледного, измождённого юношу, — ты даже ходить толком не можешь. Это нарушает все известные мне правила.

Талвин почувствовал, как внутри всё сжалось от этих слов. Они звучали одновременно как приговор и как загадка, требующая разгадки.

Кайшин подошёл к небольшому столику, на котором лежали инструменты для диагностики: хрустальные стержни, мерцающие порошки, тонкие металлические пластины с гравировками. Он провёл несколько манипуляций, и воздух вокруг Талвина задрожал, окрасившись в призрачные оттенки.

— Твоя энергия утекает, — констатировал маг. — Постоянно, неумолимо. Это ослабляет тебя и физически, и энергетически. Если процесс не остановить, гибель неминуема.

— Браслеты, которые ты носил, растворились в молочной реке, — продолжил Кайшин. — Тебе невероятно повезло, что ты попал именно в неё. В ней невозможно утонуть — она сама поддерживает жизнь, восполняет энергию. Но всё, что создано магией, со временем в ней исчезает. Лишь твой медальон устоял. Видимо, его сила превосходит обычные артефакты.

Талвин невольно коснулся груди, где лежал медальон и увидел, что чернота на его поверхности чуть отступила.

— Нужно укреплять тело, — твёрдо сказал Кайшин, глядя Талвину прямо в глаза. — Тренировки — единственный способ вернуть себе силы и чувствовать себя нормально. Без них ты не сможешь двигаться дальше.

Он сделал небольшую паузу, давая словам осесть в сознании юноши, и продолжил:

— Кроме того, ты будешь пить зелье из молочной реки. Это особый эликсир — он поддерживает твои жизненные силы, не даст угаснуть, пока организм восстанавливается. Оно поможет тебе встать на ноги.

Кайшин слегка улыбнулся, но взгляд его оставался серьёзным.

— А затем, когда здоровье поправится и силы постепенно вернуться, — ты пойдёшь на испытание, — произнёс Кайшин с особой значимостью в голосе, словно озвучивал древнее пророчество. — Оно ждёт каждого, кто оказывается в этом месте кроме хранителей таких как я, и моей семьи. Долго тут нельзя находиться максимум 50 лет и то есть позволят. Те, кто прибывает должны пройти испытание обязательно.

Он сделал паузу, давая словам осесть в сознании Талвина, и добавил твёрдо, но с ноткой ободряющей теплоты:

— Но сперва — восстановление. Это первостепенно. Нельзя идти навстречу судьбе, едва держась на ногах. Нужно набраться сил, укрепить тело и дух, чтобы встретить испытание во всеоружии. Только тогда у тебя будет шанс пройти его достойно.

— А есть ещё какие-то способы? — с надеждой в голосе спросил Талвин, приподнявшись на локтях. Его глаза блестели в полумраке комнаты, а пальцы невольно сжались в кулаки. — Может, усиливающие артефакты? Они ведь должны помочь восстановить силы

Кайшин тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу и покачал головой:

— Я уже пробовал, пока ты спал, — негромко ответил он. — По очереди задействовал несколько мощных артефактов, рассчитывая, что хоть один даст нужный эффект. Но всё напрасно: энергия из них просто уходила в бездну, словно в чёрную дыру, оставляя после себя лишь бесполезные осколки. Ни один не выдержал — все испортились, потеряв свою силу.

Он помолчал, глядя прямо на Талвина, и добавил твёрдо:

— Не надейся на чудо, парень. Твоя болезнь — это не то, что лечится обычными способами. Здесь нужны иные подходы, более глубокие, возможно, даже неизвестные нам пока.

Талвин опустил взгляд, ему пришлось нехотя согласиться. Он откинулся на подушки, пытаясь осознать услышанное, и молча кивнул, признавая, что привычные пути здесь бессильны.

До болезни Талвин обладал редким даром, который явно выделял его среди прочих магов. Его магическая сила вдвое превышала норму — это отмечали все наставники чувствовал любой, едва оказавшись рядом с ним. Он словно излучал едва уловимое сияние, а потоки энергии вокруг него текли иначе, послушнее, будто сама магия признавала в нём особенного.

Но теперь от былой мощи почти ничего не осталось. Словно невидимый насос, работающий с пугающей регулярностью, каждые десять минут высасывал из него огромный объём энергии. Талвин ощущал это как внезапную слабость, накатывающую волной: руки начинали дрожать, в висках стучала кровь, а магическое чутье, прежде такое острое, затуманивалось, будто его накрывали плотной тканью. Он пытался сопротивляться, пытался удержать хотя бы крохи силы, но всё было тщетно — энергия утекала, оставляя после себя лишь пустоту и усталость.

Кайшин, маг, проживший больше тысячи лет, знал об этом не понаслышке — за его плечами были эпохи, пережитые бури и испытания, оставившие след не только в памяти, но и в самой сути его магии. Он помнил времена, когда мир был иным, когда древние силы ещё свободно гуляли по земле, а границы между мирами были тоньше.

Он сам, когда-то оказался на грани гибели — измождённый, лишённый сил, почти растворившийся в пустоте небытия. Тогда его спасла молочная река: её живительные воды вернули к жизни, наполнили истощённое тело новой энергией, пробудили угасающее пламя магии. С тех пор Кайшин почитал этот источник как дар судьбы, как напоминание о том, что даже в самые тёмные времена есть шанс на возрождение.

Здесь, на скрытом острове, он провёл столетия, изучая пространство, магию и аномалии, разгадывая загадки мироздания, которые другим казались неразрешимыми. Остров стал для него не просто убежищем, а настоящей лабораторией — местом, где законы реальности проявлялись иначе, где время текло по своим правилам, а магия пульсировала в воздухе, словно живое существо.

Время от времени сюда попадали те, кто достоин испытания, — пришельцы с других планет, избранные судьбой или заброшенные сюда неведомыми силами. Каждый случай был уникален, каждый странник приносил с собой частицу иного мира, иную магию, иные тайны. И каждый такой гость обогащал знания Кайшина, помогая ему глубже понять устройство вселенной и место человека в ней. В процессе изучения болезни Талвина Кайшин сделал открытие.

— У тебя была черепаха питомец, — сказал он однажды. — Она погибла, к сожалению. Ты не осознал этого, но она оставила частичку себя внутри тебя. Она до сих пор защищает тебя. Талвин замер. В груди что-то сжалось, глаза наполнились слезами.

— Защита черепахи не вечна, — предупредил Кайшин. — Она даёт лишь временную выносливость. Но есть ещё лисица. Она жива, но постоянно голодает. Если не разорвать связь сейчас, её ждёт та же участь. И пришлось согласиться.

Потребовался целый день тщательной подготовки. Кайшин, сосредоточенный и собранный, достал из пространственной сумки браслет — из тёмного, почти чёрного металла, с едва заметными переливами, который периодически искрился.

— Надень, — произнёс он, протягивая артефакт Талвину. — Он поможет.

Талвин надел браслет. Тот мгновенно слился с кожей, оставив лишь узор, похожий на татуировку — витиеватый, словно ветви древнего дерева. Линии мягко светились, завораживая своей красотой.

— Зачем он? — спросил Талвин, проводя пальцами по причудливому орнаменту.

— Это твоя страховка на непредвиденный случай, — пояснил Кайшин. — С его помощью ты сможешь хранить в нём некоторые предметы. Они будут отражаться на твоей руке в виде разных чёрных картинок. Используй с умом — возможности ограничены, но в критической ситуации это может спасти жизнь.

Они приступили к главному. На ровном каменном плато, вдали от посторонних глаз, начертили магический круг — сложный узор из светящейся пыли, которая мерцала, словно россыпь мельчайших светлячков. По периметру выложили десятки магических камней — их добыли из местной речки, где они формировались естественным образом, напоминая белые кристаллы льда, рождённые самой природой.

Кайшин тщательно проверил каждое звено схемы. Он двигался медленно, с почти ритуальной точностью, касаясь камней кончиками пальцев, прислушиваясь к едва уловимым вибрациям энергии. Убедившись, что всё расположено верно, он глубоко вдохнул, собрал волю в кулак и произнёс заклинание.

Слова лились плавно, нарастая, как волна. Голос Кайшина звучал то низко и гулко, то взмывал ввысь, наполняя пространство резонансом древней силы. Воздух задрожал, наполнился запахом неуловимо древнего — словно приоткрылась дверь в иной мир.

Из груди Талвина вырвался яркий шар света. Сначала он был слепящим, нестерпимо ярким, но постепенно начал пульсировать, меняя форму. Волны энергии перетекали внутри него, выстраиваясь в очертания лисицы.

Она появилась медленно, словно выплывая из тумана. Крайне слабая — едва держалась на лапах, шерсть потускнела, потеряла свой первозданный блеск, а глаза едва светились. Но даже в таком состоянии в ней чувствовалась благородная стать, отголосок былой мощи.

И тут началось нечто невероятное. Лисица задрожала, её тело заходило ходуном. Кости хрустели, мышцы перестраивались с едва слышным шорохом, шерсть переливалась всеми оттенками оранжевого и золотого, словно пламя, танцующее в закатных лучах.

Через мгновение перед ними стояла девочка лисица — на вид лет пяти. Её глаза, огромные по сравнению с человеческими, сияли глубоким синим цветом, будто два драгоценных сапфира. Небольшие лисьи ушки подрагивали, чутко улавливая каждый звук, а за спиной плавно покачивался красивый пушистый хвост.

Все замерли, не в силах произнести ни слова.

— Это эволюция, — выдохнул Кайшин, и в его голосе смешались изумление и благоговение. — Она боролась за выживание в твоём духовном пространстве. А камни дали ей сил.

Лисица девушка закрыла глаза и без сил опустилась на землю. Она спала — глубоко, умиротворённо, словно после долгого пути.

Талвин ощутил резкую, пронзительную боль в груди — словно невидимый клинок вонзился в самое сердце. Он невольно охнул и опустил взгляд: там, прямо над левой ключицей, появился шрам — розовый, неровный, словно выжженный раскалённым клеймом. Боль была острой, почти нестерпимой, но также внезапно угасла, оставив после себя лишь лёгкий зуд, будто кожу слегка покалывали тысячи крошечных иголочек.

Кайшин стоял рядом, невозмутимый и строгий, но в глубине его глаз теплилось что-то ещё — не просто забота, а та особая, суровая нежность, которую наставник дарит лишь тому, в ком видит истинный потенциал.

— Ну что, готов не жалеть себя? — спросил он, пристально глядя на ученика. — Путь к силе лежит через боль, через преодоление. И сейчас ты сделаешь первый шаг.

С этого дня начались изнурительные физические тренировки — длинные, беспощадные, выматывающие до предела. Никаких заклинаний. Никакой магии. Только тело. Только воля. Только упорство, которое должно было закалиться, как сталь.

Каждый день превращался в испытание на прочность:

бег до изнеможения, пока лёгкие не начинали гореть, а ноги не подкашивались от усталости;

отжимания — сначала десятки, потом сотни, с каждым разом всё сложнее, всё мучительнее, но и всё ощутимее — мышцы наливались новой силой;

поднятие тяжестей, которые поначалу казались совершенно неподъёмными, но с каждым днём, с каждой тренировкой становились чуть легче — словно сама тяжесть уступала перед упорством Талвина.

Каждый новый вес — как победа над собой. Каждый преодолённый рубеж — как шаг к новой версии себя, к тому, кем он должен был стать.

В свободное время Талвин погружался в мир волшебных трав — тихий, но не менее требовательный, чем физические испытания. Он ухаживал за ними, как за детьми:

следил за их ростом, отмечая малейшие изменения — появление нового листа, изгиб стебля, оттенок цвета;

собирал листья, корни, цветы с почти ритуальной тщательностью, запоминая, в какой час дня и при каком освещении они наиболее сильны;

изучал их свойства, запоминая каждую деталь: какие травы успокаивают, какие пробуждают силу, какие помогают заживлять раны;

Постепенно он научился их чувствовать и общаться на уровне чувств.

Он выполнял любую работу по дому — чистил котлы, мыл полы, носил воду из далёкого источника, рубил дрова, поддерживал огонь в очаге. Всё, что требовалось. Это было не просто послушание, не просто обязанность — это была часть пути, способ закалить дух и тело, научить видеть ценность в каждом действии, даже самом незначительном.

Он был слаб. Но с каждым днём становился сильнее — не только телом, но и волей. Боль, усталость, сомнения — всё это отступало перед упорством, перед осознанием, что каждый шаг, даже самый маленький, приближает его к цели. И где-то глубоко внутри, под слоем усталости и пота, зарождалось новое чувство — уверенность в себе, та самая искра, из которой однажды разгорится пламя его былой силы.

Спустя время, кропотливо изучая ауру Талвина, Кайшин и Асияль смогли выяснить нечто удивительное: до того, как он попал на остров, Талвин побывал на нескольких других планетах. След энергетики этих миров остался в его ауре — едва уловимый, размытый. Выяс-

нить, где именно он был, оказалось непросто: он провёл на тех планетах совсем мало времени, и отголоски чужих миров в его сущности почти растворились.

Первая планета находилась очень далеко от острова — настолько, что даже опытные путешественники редко добирались туда без серьёзных трудностей. Там царил почти вечный холод: ледяные пустыни простирались до самого горизонта, а небо почти всегда было затянуто тяжёлыми свинцовыми тучами. Воздух казался густым и колючим, а дыхание мгновенно превращалось в иней. Только на экваторе можно было жить и то там не очень тепло. Кайшин предположил, что Талвин едва успел коснуться этого мира — возможно, совершил короткую остановку или оказался там случайно во время межзвёздного перехода.

Вторая планета располагалась немного ближе к острову, но всё равно оставалась на значительном расстоянии. Она разительно отличалась от первой: здесь царила удивительная, почти сказочная природа. Самое поразительное на этой планете — времена года, закреплённые за определёнными областями. Можно было перейти из одной зоны в другую и плавно переместиться из зимы в осень, затем в весну, а следом — в лето.

Кайшин, изучая данные, задумчиво покачал головой:

— Очень необычная планета, — произнёс он, листая древние записи. — Я слышал о ней. Говорят, времена года там искусственные — созданы древней цивилизацией, которая, когда-то правила этими землями. Они умели управлять климатом, делить мир на климатические сегменты и поддерживать в каждом свою уникальную экосистему.

— Но сейчас там идёт война — по всей планете. Конфликты разгорелись между разными фракциями, каждая из которых пытается захватить контроль над системами управления климатом. Это нарушает хрупкий баланс, и целые регионы начинают страдать от аномалий: весна может внезапно смениться вечной мерзлотой, а лето — ураганами и засухами.

Талвин слушал, пытаясь уловить хоть отголосок воспоминаний. Перед глазами мелькали смутные образы.

— Видимо, ты перемещался с одной планеты на другую, — продолжил Кайшин. А потом что-то произошло. В итоге ты оказался здесь, на острове.

Каждый вечер, перед тем как погрузиться в сон, Талвин неотрывно смотрел на медальон. Тот по-прежнему оставался тёмным, словно поглощал свет вокруг себя, создавая едва заметную тень даже в ярко освещённой комнате. Но иногда, в самой глубине, вспыхивал слабый свет — как далёкая звезда, мерцающая на ночном небе и обещающая рассвет после долгой тьмы. Эта искра, едва уловимая, но такая живая, давала ему силы продолжать, напоминала, что даже в самой густой тьме есть место надежде.

Лисице дали имя Майя. Она, гибкая и стремительная, словно тень, скользящая по земле, быстро нашла общий язык с Настей. Вместе они постигали азы магии: Майя учила Настю чувствовать потоки энергии, ощущать их движение, как дыхание ветра, как биение сердца вселенной. Асияль же делилась с Майей своими знаниями о растениях и зельях — о том, какие травы цветут лишь под светом полной луны, какие корни таят в себе силу древних духов, какие листья способны исцелить или, напротив, погрузить в глубокий сон.

Они стали не просто подругами — сёстрами по духу, по тайнам, которые теперь хранили вместе, по мечтам, что сплетались в единую нить их судеб. Их связь крепла с каждым днём, становилась глубже, чем просто дружба, — это было родство душ, рождённое в совместных испытаниях и открытиях.

Каждое утро Талвин пил зелье, изготовленное из воды молочной реки. Поначалу всё шло хорошо: силы прибывали, мышцы крепчали, магия восстанавливалась понемногу, словно робкий росток, пробивающийся сквозь толщу земли. Он чувствовал, как жизнь возвращается в его тело, как энергия наполняет каждую клеточку.

Но спустя год всё изменилось. Слабость вернулась внезапно, словно невидимый враг подкрался сзади и ударил исподтишка. Все старания, все труды — словно песок сквозь пальцы, ускользающий, неуловимый.

— Это очень странная болезнь, — хмуро произнёс Кайшин, пристально глядя на побледневшего Талвина. Его взгляд был полон беспокойства, но в нём не было и тени отчаяния, лишь твёрдая решимость найти выход. — Столько усилий — и всё впустую. Почти вернулись к тому, с чего начинали. Мышцы пропали, словно он не занимался и не ел очень долго.

— Будем продолжать. Время ещё есть говорил Кайшин

— Нужно больше времени, — ответил Талвин скорее самому себе, чем Кайшину. — Ну раз надо — стану терпеть. Буду идти дальше.

Пятьдесят лет спустя

Майя, лисица с глазами цвета сапфира, превратилась в настоящую красавицу, чья грация могла свести с ума. По меркам её народа ей было пятнадцать — возраст, когда пробуждается истинная сила, когда кровь начинает гореть от мощи, дремлющей внутри. Для людей же она оставалась ребёнком, ведь её род жил долго, непомерно долго, измеряя века, а не годы. Ей пришлось уйти к другому хранителю такому же как Кайшин и стать его ученицей как Асияль.

С Настей они стали не просто подругами — сёстрами по духу. Их связь укрепились за годы совместных испытаний, исследований и открытий. Они делились всем: тайнами магии, которые узнавали шаг за шагом, мечтами о будущем, страхами, которые прятали от других, сомнениями, терзавшими душу. Их дружба стала опорой, надёжным щитом в мире, полном опасностей и загадок.

Талвин за эти годы прожил жизнь, полную труда и поисков:

научился варить снадобья, которые исцеляли с невероятной скоростью — их сила поражала даже Кайшина, привыкшего к чудесам магии;

прочёл сотни магических книг, погружаясь в знания, которые радовали его душу и расширяли горизонты понимания, открывая тайны мироздания;

обрёл силу — но цену заплатил страшную.

Вода из молочной реки, дарующая силу и исцеление, несла в себе тайную плату — она стирала память. Сперва пропадало что-то незначительное: забытое имя, случайный разговор, мимолётный эпизод, который растворялся в тумане, словно его никогда и не было. Талвин замечал это с лёгкой тревогой, но успокаивал себя: «Мало ли что ускользает из памяти? Это всего лишь мелочи».

Но со временем процесс усиливался. Теперь исчезали не фрагменты, а целые куски жизни — годы воспоминаний, будто вырванные страницы из книги его судьбы. Лица близких, некогда яркие и отчётливые, становились размытыми тенями, теряли черты и индивидуальность. Мечты, которые, когда-то наполняли душу огнём, теряли очертания и смысл, превращаясь в смутные образы без цели и направления.

Он стал чужим самому себе. В зеркале отражался знакомый облик, но внутри всё чаще возникало ощущение, будто он смотрит на кого-то другого — на незнакомца, чьи воспоминания принадлежали не ему. Другие пили ту же воду — и всё помнили. Только он платил эту дань, словно сама судьба выбрала его для этой жертвы, возложив на плечи бремя, которого не заслуживал.

Но даже это не остановило его. В глазах Талвина по-прежнему горел огонь — слабый, дрожащий, но неугасимый, как последний уголёк в остывающем костре. Магия его окрепла, но была хрупкой, как первый лёд на поверхности озера: на уровне новичка — если перестараться, можно потерять её навсегда, стать калекой в мире волшебства.

Он постоянно забывал всё — в голове словно образовалась вязкая пустота, заполненная чем-то похожим на вату, а не живыми, деятельными мыслями. Мысли не текли потоком, а застревали, рассыпались на части, едва успев возникнуть. Он мог застыть посреди комнаты, растерянно озираясь, не понимая, зачем сюда пришёл, или замолчать на полуслове, тщетно пытаясь поймать ускользнувшую мысль.

Постепенно он начал ощущать себя не человеком, а каким-то растением — пассивным, почти безвольным, живущим по простейшим законам природы: есть, спать, двигаться, когда подтолкнут. Разум будто отступил куда-то вглубь, оставив место лишь примитивным ощущениям и инстинктам. Он всё чаще ловил себя на том, что просто существует, не задумываясь о причинах и следствиях, не строя планов, не вспоминая прошлого.

Со временем, почти незаметно для самого себя, он начал воспринимать Кайшина как отца. Это произошло не в один день — образ наставника постепенно слился с образом родителя, которого Талвин не помнил. Так было проще для них обоих: Кайшин обрёл сына, о котором, когда-то мечтал, а Талвин — опору и защиту, которых ему так не хватало. В их отношениях появилась особая теплота: Кайшин больше не просто обучал — он заботился, направлял, поддерживал, как отец поддерживает ребёнка, делающего первые шаги.

Благодаря воспитанию Кайшина непростой характер Талвина постепенно смягчался. Прежде он был вспыльчив, упрям, склонен к резким суждениям и поспешным решениям. Но теперь упорство сменялось терпением, вспыльчивость уступала место рассудительности. Он учился обдумывать слова, прежде чем их произнести, взвешивать поступки, прежде чем их совершить. Эти изменения шли медленно, но неуклонно — как весна сменяет зиму, понемногу растапливая лёд.

Родной дом стал далёким и давно забытым. Образы детства, лица близких, улицы родного города — всё это растворилось в тумане, оставив лишь смутные отголоски, похожие на сны, которые забываешь сразу после пробуждения. Периодически ему напоминали обо всём: Кайшин, Асияль, даже Майя, которая иногда, глядя на него своими сапфировыми глазами, мягко спрашивала: «А помнишь, как было раньше?» Но хватало ненадолго — воспоминания ускользали, как вода сквозь пальцы, оставляя после себя лишь лёгкую грусть и ощущение чего-то утраченного, чего уже не вернуть.

Он научился выходить за пределы тела — отделять сознание от плоти и отправляться в путешествие, свободное от земных оков. Этому его научил левиан, существо, чьё присутствие наполняло воздух едва уловимым мерцанием, а голос звучал не в ушах, а прямо в сознании.

Объяснить другим, как это происходит, было почти невозможно для него. Знания они просто появились в голове Талвина, готовые к использованию, словно дремали, где-то глубоко внутри и лишь ждали пробуждения. Он не мог вспомнить момент, когда выучил эти техники, — казалось, он знал их всегда. Не зная, как иначе объяснить это чудо, он решил, что левиан каким-то образом передал ему эти знания напрямую, минуя привычные способы обучения.

Во время таких путешествий сознание Талвина парило над землёй, словно лёгкая птица, свободно и невесомо. Он видел мир с высоты, недоступной обычным людям: поля, леса, реки и горы простирались внизу, как на огромной карте, сотканной природой. Он замечал детали, которые невозможно увидеть с земли, — узоры на склонах холмов, изгибы ручьёв, стаи птиц, летящих строем.

Но каждый полёт был испытанием. Для него требовалась железная концентрация — малейшая потеря внимания могла всё разрушить. Физическое тело должно было оставаться абсолютно неподвижным. В такие моменты душа с резким толчком возвращалась в тело, словно её швырнули обратно, и Талвин на мгновение терял ориентацию, ощущая головокружение и слабость. Но он учился, тренировался, становился всё более устойчивым — шаг за шагом, полёт за полётом.

Время от времени в это пространство попадали чужие — те, кого выбрало испытание, гости из иных миров, призванные сюда древней силой. Все они были разными: с человеческими телами, полуматериальные существа чьи очертания колебались, как дым на ветру, тёмные тени скользящие по граням реальности, будто боясь полностью проявиться в этом мире, гуманоиды разных видов, моллюски с хитиновыми панцирями и множеством конечностей,двигающиеся с пугающей синхронностью Кого только не было тут.

Каждый прибывал по-своему, словно сама суть его мира определяла способ появления. Кто-то возникал в вихре ослепительного света, который рассеивался, оставляя гостя посреди пространства, слегка ошеломлённого переходом. Другие появлялись в клубах чёрного дыма, медленно оседающего к земле, будто выталкивающего пришельца из какой-то иной, мрачной реальности. А иные просто материализовались — беззвучно, без вспышек, в столбах мягкого, почти призрачного света, словно их аккуратно поместили сюда невидимой рукой.

Они приходили поодиночке, с оружием и без, готовые к битве или полные страха. Некоторые сразу оглядывались, пытаясь понять, куда попали, другие замирали, прислушиваясь к новым ощущениям, третьи сразу принимали боевую стойку, ожидая нападения. Но всех их объединяло одно: они были избраны испытанием, и теперь им предстояло пройти через то, что уготовила им судьба в этом загадочном месте.

Кайшин встречал их всех. С каждым он находил нужные слова, помогал освоиться в непривычной обстановке, рассказывал правила этого мира — строгие, но справедливые. А потом отправлял на испытания. Он был тут хранителем пространства, стражем, следящим за порядком. Всего было таких хранителей двенадцать. Кайшин встречал человекоподобных. Других хранители выглядели по-другому и соответственно встречали похожих на себя существ.

На острове проводились испытания — и души, и тела. Пришедший первым получал приз, окутанный завесой тайны. Никто не знал наверняка, что это было: говорили, что дары высших цивилизаций, ключи к новым знаниям, фрагменты вселенской мудрости. Победителя уносило в иные миры — и потому оставалось лишь гадать, что ждало счастливого за гранью. Талвин много раз спрашивал у Кайшина, но тот неизменно молчал, отвечая лишь: «Ещё не пришло время».

В этот мир Альберт попал внезапно — словно сорвавшийся с неба камень, он рухнул на землю, едва живой. Когда-то он был обычным человеком, но его судьба сложилась трагично из-за собственной одержимости. Альберт безрассудно экспериментировал с силами, которые не до конца понимал, гонимый жадой обрести могущество любой ценой.

Всё началось со шкатулки деда — старинной вещицы, покрытой пылью веков. В ней хранились минералы необычной окраски: алые, как застывшая кровь, синие, словно ночное небо, и чёрные, в которых мерцали золотые искры. Альберт не знал их истинной природы, но чувствовал — они таят в себе силу.

Один за другим он поглощал их энергию. Сперва изменения были едва заметны: чуть быстрее заживали раны, чуть острее становилось зрение. Но с каждым новым минералом эффект усиливался. Альберт становился сильнее — быстрее, выносливее, опаснее. Однако цена росла незаметно: он начал видеть тени в углах комнат, слышать шёпоты в тишине, чувствовать, как внутри зреет что-то дикое и неукротимое.

Его мечтой было наказать обидчиков — людей, которые, когда-то сломали его жизнь. Эта мысль стала навязчивой идеей, затмевающей разум. В кульминационный момент, ослеплённый яростью и жадой возмездия, Альберт решился на отчаянный шаг: он проглотил разом все оставшиеся минералы из шкатулки.

Мощь взорвалась внутри него. На мгновение Альберт ощутил себя богом — всемогущим, всемогущим. Но равновесие было нарушено: сила, которую он не смог обуздать, начала разрушать его тело и душу. Он погиб, так и не успев осуществить задуманное.

Одна из Богинь, наблюдавшая за этой трагедией с высот своего мира, почувствовала сострадание и ответственность за него. И она решила дать ему шанс начать заново. Её рука коснулась безжизненного тела, и сквозь пальцы потекла золотая энергия, возвращая Альберта к жизни.

— В последний раз спасаю тебя, глупого, — произнесла она. Голос её звучал одновременно строго — как напоминание о содеянном, и печально — как признание человеческой слабости. — Не делай больше ошибок. Но кто ты стал спрашивать Альберта на что ему не ответили лишь понимание пришло что она Богиня. Придёт время, и ты все поймешь сам.

Альберт гордился тем, что знает Богиню, и не упускал случая напомнить об этом окружающим. Хотя сам сомневался иногда ведь ему не ответили толком. Он кричал о своей мощи на каждом шагу, хвастался дарованной силой, демонстрировал её при любой возможности — то подкинет в воздух тяжёлый камень одним жестом, то сломает дерево. Его голос звучал громко и самоуверенно, а походка стала нарочито величественной. Кайшин несколько раз подходил к нему чтоб узнать подробнее про какую богиню он говорит. Но Альберт сначала врал, а потом признался, что сам не знает.

Чуть позже он узнал, что вскоре будут проходить масштабные соревнования — испытание силы, мудрости и выдержки, куда допускались лишь избранные. Альберт, не раздумывая, решил испытать себя в них. Он был уверен: его связь с Богиней и обретенная мощь дадут ему неоспоримое преимущество.

Спустя целых пятьдесят лет упорных тренировок и самосовершенствования он смог стать чуть сильнее постепенно, шаг за шагом. Каждый день он оттачивал контроль над энергией, учился направлять её точнее, глубже понимать её природу. Но прогресс шёл слишком медленно.

«А Альберту просто так всё дали?» — всё чаще и язвительнее повторял Талвин, наблюдая за успехами соперника. Его злость нарастала с каждым днём: он видел, как Альберт хвастается, как получает внимание и уважение, и ему казалось, что всё это досталось тому незаслуженно. «Почему ему так легко? Почему мне приходится бороться за каждую крупницу силы, а он лишь кичится покровительством Богини?»

И тут, в самый разгар этих мыслей, в его памяти будто вспыхнул свет. Яркая искра прорезала туман забвения, и постепенно, по кусочкам, к нему начали возвращаться воспоминания о прошлом.

Он вспомнил, что когда-то был очень богатым — настолько, что ни в чём не нуждался. Роскошные покои, слуги, лучшие учителя, доступ к древним знаниям — всё это было в его распоряжении с самого детства. Но он никогда не ценил этого по-настоящему.

Хоть он и не говорил другим прямо, какие они бездарные или бедные, про себя так думал всегда. В глубине души он презирал тех, кто не мог позволить себе того, что было у него. Он делал вид благородного и замечательного человека — улыбался, кивал, поддерживал беседы, — но всем своим видом показывал пренебрежение. Не напрямую, а в мелочах: в едва заметном изгибе губ, когда кто-то ошибался; в коротком взгляде, брошенном на простую одежду собеседника; в едва уловимой паузе перед тем, как ответить на вопрос «равного».

Теперь, вспоминая это, Талвин почувствовал стыд. Он понял, что его злость на Альберта — не только из-за несправедливости. Частично она была отражением его собственных прежних убеждений, привычки делить мир на «достойных» и «недостойных». И впервые он задумался: может, чтобы двигаться дальше, ему нужно отпустить не только обиды, но и те маски, что носил, когда-то?

Альберт гордился тем, что знает Богиню, и не упускал случая напомнить об этом окружающим. Он кричал о своей мощи на каждом шагу, хвастался дарованной силой, демонстрировал её при любой возможности — то подкинет в воздух тяжёлый камень одним жестом, то сломает дерево. Его голос звучал громко и самоуверенно, а походка стала нарочито величественной.

Чуть позже он узнал, что вскоре будут проходить масштабные соревнования — испытание силы, мудрости и выдержки, куда допускались лишь избранные. Альберт, не раздумывая, решил испытать себя в них. Он был уверен: его связь с Богиней и обретенная мощь дадут ему неоспоримое преимущество.

Спустя целых пятьдесят лет упорных тренировок и самосовершенствования он смог стать чуть сильнее постепенно, шаг за шагом. Каждый день он оттачивал контроль над энергией, учился направлять её точнее, глубже понимать её природу. Но прогресс шёл слишком медленно.

«А Альберту просто так всё дали?» — всё чаще и язвительнее повторял Талвин, наблюдая за успехами соперника. Его злость нарастала с каждым днём: он видел, как Альберт хвастается, как получает внимание и уважение, и ему казалось, что всё это досталось тому незаслуженно. «Почему ему так легко? Почему мне приходится бороться за каждую крупницу силы, а он лишь кичится покровительством Богини?»

И тут, в самый разгар этих мыслей, в его памяти будто вспыхнул свет. Яркая искра прорезала туман забвения, и постепенно, по кусочкам, к нему начали возвращаться воспоминания о прошлом.

Он вспомнил, что когда-то был очень богатым — настолько, что ни в чём не нуждался. Роскошные покои, слуги, лучшие учителя, доступ к древним знаниям — всё это было в его распоряжении с самого детства. Но он никогда не ценил этого по-настоящему.

Хоть он и не говорил другим прямо, какие они бездарные или бедные, про себя так думал всегда. В глубине души он презирал тех, кто не мог позволить себе того, что было у него. Он делал вид благородного и замечательного человека — улыбался, кивал, поддерживал беседы, — но всем своим видом показывал пренебрежение. Не напрямую, а в мелочах: в едва заметном изгибе губ, когда кто-то ошибался; в коротком взгляде, брошенном на простую одежду собеседника; в едва уловимой паузе перед тем, как ответить на вопрос «равного».

Теперь, вспоминая это, Талвин почувствовал стыд. Он понял, что его злость на Альберта — не только из-за несправедливости. Частично она была отражением его собственных прежних убеждений, привычки делить мир на «достойных» и «недостойных». На самом деле он не переносил таких как он сам. И впервые он задумался: может, чтобы двигаться дальше, ему нужно отпустить не только обиды, но и те маски, что носил, когда-то?

Кайшин коснулся обруча на своей голове — гладкого, чёрного, с едва заметными серебристыми рунами, мерцающими в полумраке комнаты. В тот же миг вихрь воспоминаний, бушевавший в сознании Талвина, разом стих, словно кто-то резко остановил безумную карусель. Талвин медленно приходил в себя, глубоко дыша и пытаясь собрать разрозненные осколки ощущений в единое целое.

Он чувствовал, как реальность обступает его со всех сторон — твёрдая, острая, беспощадная, будто острые скалы, вырастающие из тумана. Воздух стал плотнее, запахи — резче, звуки — отчётливее. Он ощутил холод каменного пола под ногами, услышал тиканье старинных часов в углу, уловил слабый запах фруктов, доносящийся откуда-то издалека.

— Я так понимаю, это не всё? — выдохнул он. Голос звучал глухо, будто доносился из-под толщи воды, далёкий и чужой, словно принадлежал кому-то другому.

— Всё верно, — отозвался Кайшин. Он стоял прямо перед ним, лицо оставалось невозмутимым. В его тоне не было ни сочувствия, ни раздражения — лишь холодная, выверенная твёрдость человека, привыкшего иметь дело с суровой правдой. — Часть воспоминаний утеряна оттого, что не сразу я создал прибор, записывающий воспоминания. Поначалу я полагался лишь на собственную память и записи в дневниках, но многое ускользало, растворялось во времени. Однако шанс восстановить их — ещё есть.

Талвин замер, пытаясь осознать сказанное. Слова Кайшина эхом отдавались в голове, смешиваясь с отголосками пробудившихся воспоминаний. Он медленно перевёл взгляд на наставника, ожидая продолжения.

— Время здесь течёт иначе, — продолжил Кайшин, глядя вдаль, за пределы комнаты, будто видел сквозь стены далёкие звёзды и галактики. — На твоей родной планете прошло всего три недели. Твой дом ближе к центру галактики — там время течёт очень медленно. Это связано с тем, что планеты, находясь на большом расстоянии от центра галактики, проходят большое расстояние за единицу времени. А те, что ближе к центру, за то же время проходят маленькое. От этого такая большая разница во времени. Здесь же оно ещё медленнее из-за своей уникальности — это место словно застыло в особой временной петле, созданной древними силами.

Кайшин сделал паузу, давая Талвину осмыслить услышанное. Затем повернулся к нему и пристально посмотрел в глаза:

— Чего ты сам желаешь? — спросил он, чуть прищурившись, словно пытался прочесть ответ в глубине его души, увидеть то, что скрыто даже от самого Талвина.

— Хочу увидеть родителей, — тихо, но твёрдо ответил Талвин. В его голосе звучала выверенная решимость — не просто желание, а цель, к которой он шёл через боль, потери и обретения. Он поднял взгляд, и в его глазах отразилась целая буря чувств: тоска по дому, надежда, страх перед неизвестностью и твёрдая уверенность в своём выборе. — Я хочу узнать себя лучше, понять, кто я на самом деле, и увидеть родную семью.

Он замолчал на мгновение, сглотнул и добавил уже тише:

— Конечно, я не хочу расставаться с тобой, Кайшин. Ты стал для меня больше, чем наставником. Но я не могу отказаться от своей цели. Это часть моего пути.

Кайшин кивнул, его взгляд смягчился:

— Понимаю. Путь к себе всегда требует выбора. И иногда этот выбор — между тем, что дорого сейчас, и тем, что зовёт из глубины души. Ты сделал важный шаг, признав своё желание. Теперь нужно решить, как его осуществить.

— За эти годы ты стал сильнее, — произнёс Кайшин, и в его голосе прозвучала непривычная теплота. Он внимательно посмотрел на Талвина, словно заново оценивая его — взглядом, в котором смешались гордость наставника и тревога старшего друга. — Болезнь почти отступила. Я вижу, как окрепла твоя воля, как укрепилось тело. Теперь ты способен защитить себя — по-настоящему, без чужой помощи.

Кайшин сделал небольшую паузу, а затем продолжил уже более серьёзным тоном:

— Но впереди — испытание. Не просто проверка силы, а путь, который ты должен пройти сам. Пройдёшь его — и тебя перенесёт на одну из планет, где каждый шаг будет приближать тебя к цели. Чем дальше пройдёшь, тем ближе окажешься к своему дому, к тем, кого ты так хочешь увидеть. Если всё сложится удачно, то уже через месяц сможешь ступить на родную землю.

Талвин почувствовал, как сердце забилось чаще — надежда, которую он так долго хранил в глубине души, вдруг стала осязаемой, реальной. Он поднял взгляд на Кайшина, и в его глазах читалась благодарность и решимость.

— Отлично, — сказал Кайшин с лёгкой улыбкой, которая редко появлялась на его лице. — Тогда я подарю тебе подарок. На память обо всём, что было, и как знак того, что ждёт впереди.

Он протянул Талвину небольшой нож. Рукоять была искусно вырезана из неизвестного тёмного металла, отливающего глубокой синевой, словно ночное небо в безлунную ночь. Узоры на ней напоминали древние созвездия, едва заметные, но завораживающие. Лезвие казалось невероятно тонким — на первый взгляд его легко было согнуть, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что оно обладает какой-то особой прочностью.

Талвин принял подарок с трепетом, ощутив в ладони его вес — не тяжёлый.

— Это подарок мне от этого места за мою службу, — пояснил Кайшин, и в его голосе прозвучала нотка ностальгии, будто он на мгновение вернулся в прошлое. — Я долго им дорожил, но теперь понимаю: он мне не пригодится. И поэтому я рад подарить его тебе — тому, кто продолжит путь там, где я остановился.

Талвин осторожно взял нож, чувствуя прохладу металла под пальцами. Едва его кожа коснулась лезвия, как произошло нечто невероятное: нож начал таять — не плавиться с дымом и запахом гари, а растворяться плавно и беззвучно, словно капля воды на горячей поверхности. Он впитывался в ладонь Талвина, не оставляя следов на коже — кроме одного.

На месте соприкосновения проявилась тонкая, едва заметная татуировка, повторяющая форму ножа. Она пульсировала в такт биению сердца, то слегка светясь, то затухая, становясь единым целым с его плотью, словно всегда была частью его самого. Талвин зачарованно смотрел на неё, ощущая странное тепло, растекающееся по руке, и едва уловимую связь с чем-то древним и могущественным.

— Теперь он всегда с тобой, — сказал Кайшин, и в его голосе прозвучала непривычная теплота, почти отеческая гордость. — Ты сможешь вызывать его в любой момент усилием воли — просто представь его в руке, и он появится. А если найдёшь нужные материалы, сможешь наделять его новыми способностями, усиливать его свойства. Но пока подходящих материалов нет — я сам пробовал, ничего не подходит.

Кайшин сделал паузу, внимательно глядя на ученика:

— Этот нож больше паралитический, им будет трудно нанести серьёзную рану. Но для защиты он может пригодиться на предстоящих испытаниях — поможет обездвигнуть противника, сбить с толку, выиграть время. Помни: ты прибыл к нам без ничего — и сможешь взять с собой только этот нож. А также вспомогательные предметы типа верёвки. Всё остальное придётся добывать по ходу пути.

Кайшин сделал паузу, внимательно глядя на Талвина — словно пытался прочесть в его глазах, готов ли тот к тому, что предстоит. Затем, не говоря больше ни слова, он подошёл к небольшому резному столику у стены, открыл маленькую шкатулку из тёмного дерева с инкрустацией и достал склянку с густым зельем. Оно было чёрным, как смола, а внутри мерцали едва заметные серебристые искры — будто крошечные звёзды в ночной бездне.

— Это зелье сделано из растений, которым четыреста лет, — пояснил он, осторожно передавая склянку Талвину. Его пальцы на мгновение задержались на стекле, словно он не хотел расставаться с этим сокровищем. — Очень ценное, концентрированное. Оно прибавит тебе сил, поможет выдержать испытания, которые ждут впереди. Много дать не могу, сам понимаешь: такие старые растения — большая редкость. Раньше я давал тебе понемногу, понемногу укреплял твой организм — и это всё, что осталось. Последнее.

Талвин принял склянку обеими руками, ощутив древнюю энергию, заключённую в стекле. Он глубоко вдохнул, сосредоточился и выпил зелье одним глотком.

Густая, терпкая жидкость обожгла горло, оставив горьковатое послевкусие, почти лекарственное — с нотами коры, смолы и чего-то неуловимо древнего. Но уже через мгновение по телу разлилось приятное тепло — глубокое, проникающее до самых костей, словно солнце, впервые за долгое время, согревающее замёрзшую землю.

Он почувствовал, как что-то внутри него, долгое время бывшее сломанным, щёлкнуло и встало на место, восстанавливая нарушенную связь. Не просто мышцы окрепли — в нём пробудилось что-то большее: ясность ума, острота восприятия, ощущение целостности. Прилив сил был не резким всплеском, а плавным, уверенным наполнением энергией — как река, постепенно наполняющая пересохшее русло. Талвин глубоко вдохнул и выдохнул, чувствуя, как каждая клеточка его тела оживает, наполняется новой жизнью.

— Спасибо, наставник, — тихо произнёс он, поднимая глаза на Кайшина. — Я не подведу.

И тут же Талвин взглянул на свой «Статус» — небольшую коробочку с загадочными символами, что всегда была при нём, надёжно укрытая в кармане. Он аккуратно достал её, слегка провёл пальцем по гладкой поверхности и нажал едва заметную кнопку. Экран мягко засветился, и на нём появилась третья полоска силы — полупрозрачная, едва заметная, но уже отчётливо различимая. Она пульсировала мягким голубоватым светом, словно подтверждая: изменения начались, процесс пробуждения энергии запущен.

Кайшин, наблюдавший за реакцией ученика, улыбнулся и достал небольшой шарик, который мягко светился синим цветом, отбрасывая на стены комнаты причудливые блики.

— Моё новое изобретение, — сказал он с ноткой гордости в голосе, и в его глазах мелькнуло что-то мальчишеское, почти озорное. — Оно поможет тебе не забыть то, что ты услышал от меня сейчас. Коснись им виска, и оно станет частью тебя.

Талвин послушно поднёс шарик к виску. Ощущение было странным: сначала — резкий холод, словно от касания льда, пронизывающий до мозга костей, вызывающий лёгкую дрожь. А затем — мгновенное осознание, почти озарение. В голове словно открылась новая дверь: целый пласт информации, целая библиотека воспоминаний, которую он мог воспроизвести в любой момент, встроилась в его разум, заняла своё место среди уже существующих знаний. Он чётко ощутил, как новые сведения аккуратно расположились в памяти, не вытесняя старое, а дополняя его.

Он знал: теперь у него есть шанс сохранить то, что ему открылось, не потеряв это с первым же глотком зелья или с наступлением нового дня. Память стала надёжнее, правда хорошо он помнил только то, что говорил Кайшин.

Тем временем лисица Майя отказалась от участия в состязании. Её манила наука — та самая, в которой Кайшин был признанным мастером. Она погрузилась в книги с головой: древние фолианты с пожелтевшими страницами, свитки с загадочными формулами, дневники забытых исследователей. В её мире битвы и испытания отступили на второй план — теперь её увлекали эксперименты, тайны мироздания, законы, управляющие этим пространством.

Для неё мир был системой уравнений, где каждый вопрос требовал точного ответа, а каждая загадка — методичного решения. Она проводила дни в лаборатории, смешивала редкие ингредиенты, записывала результаты наблюдений в толстую тетрадь, пыталась понять, как устроены законы этого пространства. Её стол был завален колбами, мензурками, кристаллами разных цветов и размеров. Она составляла графики, чертила схемы, сверялась с древними трактатами — и каждый новый эксперимент приближал её к разгадке.

Асияль всё-таки решила участвовать, несмотря на настойчивые уговоры Кайшина. Он пытался предостеречь её, говорил о рисках, напоминал о том, как опасно покидать защищённые пределы острова. Говорил, что она скоро займёт его место. Но она лишь мягко улыбалась в ответ — в её улыбке читалась непоколебимая решимость. Ей хотелось большего, чем находиться всё время в тепличных условиях, под надёжной защитой острова, где жизнь текла размеренно и предсказуемо.

Её красота поражала — чистая, почти неземная, с оттенком чего-то древнего и мудрого, будто в чертах лица застыли отголоски веков. Тонкие линии бровей, ясный взгляд, плавные изгибы силуэта — всё это создавало образ, который притягивал взгляды. И лишь зная правду, можно было разглядеть в глубине её глаз отблеск прожитых лет: Насте исполнилось 140 лет. За этим юным обликом скрывалась долгая история, полная открытий, потерь и обретений.

Река, протекавшая рядом с островом, положительно действовала на неё — её воды несли не просто влагу, а особую энергию, древнюю и чистую. Под их влиянием Асияль не знала ни забывтья, ни слабости — только силу, только ясность ума. С каждым днём она становилась мощнее: магия обретала новые оттенки, раскрывая возможности, о которых раньше она лишь

догадывалась. Её движения приобрели отточенную точность — каждый жест был выверен, каждое заклинание сплеталось с безупречной лёгкостью.

Талвин не встречал никого, кто мог бы сравниться с ней в гармонии силы и грации. Когда Асияль двигалась, казалось, будто сама стихия ведёт её — плавно, уверенно, без малейших усилий. Она сочетала в себе мощь и изящество так естественно, что это выглядело почти волшебством.

Возможно, Кайшин был сильнее — его аура внушала уважение, а взгляд проникал в самую суть вещей. Но он никогда не раскрывал своих истинных возможностей, оставаясь загадкой даже для тех, кто знал его годами. В его присутствии всегда ощущалась какая-то недосказанность, словно за внешней сдержанностью скрывалась бездна силы, готовая пробудиться в нужный момент.

Они тренировались вместе — день за днём, час за часом, от первых лучей рассвета до последних отблесков заката. Асияль оттачивала мастерство с удивительной сосредоточенностью: её движения сочетали в себе и магию, и физическую мощь. В руках она держала длинную палку, на концах которой мерцали чёрные кристаллы — не просто украшения, а настоящие сгустки ночной тьмы. Они пульсировали: то чуть затухали, то вспыхивали глубоким, почти бархатным светом, словно живые существа, связанные с ней невидимой нитью. Когда Асияль совершала резкие выпады или круговые движения, воздух вокруг оружия слегка дрожал, а на земле оставались едва заметные тёмные следы — будто сама тьма отпечатывалась на поверхности.

Талвин — с ножом, что жил в его ладони, став частью его самого, и с упорством, которое не сломить, с решимостью, закалённой годами испытаний. Он тренировался за эти годы с различным оружием, но решил больше освоиться с ножом.

Однажды, во время короткой передышки, когда последние упражнения остались позади и усталость давала о себе знать приятной тяжестью в мышцах, они остановились перевести дух. Воздух наполнился ароматом далёких трав — лёгкий ветер принёс его с горных склонов, смешав с запахом влажной земли и нагретых камней. Асияль оперлась на свою палку, вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и посмотрела вдаль, туда, где небо сливалось с вершинами гор.

— Это оружие досталось мне от учителя, — произнесла она, и её голос прозвучал спокойно, почти безмятежно. Но в глубине её глаз мелькнуло что-то далёкое, почти забытое — словно тень из иного мира, из жизни, оставшейся далеко позади. Воспоминание скользнуло по её лицу, оставив едва заметный след грусти и ностальгии. Она провела пальцами по древку, ощущая выгравированные символы — тонкие, почти стёршиеся линии, складывающиеся в узор, напоминающий ветви древнего дерева. — Он многому меня научил

Она на мгновение замолчала, глядя вдаль, а затем добавила:

— Я тоже попала сюда случайно. Но осталась. С Кайшиным. Здесь я нашла то, чего не было раньше: дом, цель, семью.

Талвин кивнул, понимая, что за этими словами скрывается целая история — история потерь и обретений, ошибок и открытий, которая сделала Настю такой, какой она есть сейчас. И в этот момент он почувствовал, что их пути, хоть и начались по-разному, теперь идут рядом — к одному и тому же будущему.

История Насти

Старик Марк очутился в Прощальном месте — невероятно тихом, словно мир здесь замер в вечном безмолвии. Вокруг высились бледно серые скалы, гладкие и древние, будто свидетели бесчисленных эпох. Воздух был кристально чистым, почти осязаемым — каждый

вдох наполнял лёгкие свежестью, освобождая от тяжести прожитых лет. Здесь, вдали от суеты и тревог мира, души завершали путь, уходя один за другим в новый.

Когда Марк прибыл сюда, тут было пятеро — таких же, как он, с глазами, полными воспоминаний, в которых отражались целые жизни. Они сидели в молчании, не нуждаясь в словах, понимая друг друга без них. Каждый был погружён в свои мысли, перебирая в памяти то, что когда-то казалось важным, а теперь превратилось в тени прошлого.

Один из стариков, сидящий у самой кромки скалы, вдруг улыбнулся чему-то своему — едва заметно, с тихой радостью, словно вспомнил что-то очень светлое. Затем он тихо растаял в воздухе, словно сотканный из тумана. Остался лишь лёгкий прах, медленно оседающий на камни, — невесомый след, напоминающий о том, что было. В его уходе не было ни боли, ни страха — только свет, какой бывает на рассвете, когда первые лучи солнца касаются земли.

Марк опустил на плоский валун, согретый последними лучами дня, и задумался. Мысли текли плавно, без суеты, как река, знающая свой путь.

«Всё ли сделано? Всё ли сказано?» — мысленно повторил он, перебирая в памяти прожитые годы, словно перелистывал страницы старой книги. Некоторые строки были выцветшими, почти стёртыми временем, другие — чёткими, будто написанные вчера. Он старался разглядеть в каждом событии только хорошее, обиду переделывал в повод для благодарности, а ошибки — в уроки мудрости.

«Если бы можно было переписать Но нельзя. Зато можно понять и стать лучше», — размышлял он, чувствуя, как внутри нарастает странное спокойствие, словно душа наконец то нашла ответы на вопросы, мучившие её всю жизнь.

Пока он размышлял, погрузившись в себя, остальные старики один за другим исчезли — так же тихо, как тот первый. Их фигуры растворялись в воздухе, оставляя после себя лишь лёгкое мерцание, будто отблески угасающих звёзд. Марк остался в одиночестве.

На этой планете не было похорон. Не было слёз и долгих прощаний — всё это казалось здесь лишним, почти неуместным. Считалось, что душа сама придёт к родным, когда покинет тело, — явится в виде лёгкого образа, прозрачного, как утренний туман, чтобы сказать последнее «прощай». У Марка было много родственников. «Они, скорее всего, ждут меня с улыбкой», — думал он, и эта мысль согревала его душу, наполняя покоем.

Здесь не оплакивали ушедших — напротив, радовались за них. Ведь впереди их ждала новая жизнь: не конец, а переход; не тьма, а свет. Новые встречи, новые открытия, которые сделают душу светлее. Обитатели его планеты верили, что смерть — это не разрыв, а преобразование, шаг к чему-то большему, к гармонии, к истинному бытию.

Марк, человек вдумчивый и строгий к себе, ещё раз пересмотрел свою жизнь — не спеша, внимательно, словно изучал карту, ведущую через годы. Он искал не оправдания своим поступкам, а смысл, спрятанный в каждом дне. Старался превратить каждую горькую страницу в источник мудрости, каждую ошибку — в ступеньку к чему-то большему. Вспоминал тех, кого обидел, и мысленно просил прощения. Вспоминал тех, кому помог, и благодарил судьбу за возможность быть полезным.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул чистый воздух Прощального места и уже собрался уходить — раствориться так же легко, как и те, кто был здесь до него. Но в этот момент в воздухе мелькнуло что-то светлое, будто солнечный луч пробился сквозь облака.

Перед ним стояла девочка лет пяти. Её волосы, белые, как первый снег, слегка светились серебром, а глаза были глубокими, как озёра, в которых отражается вечность. Она смотрела на Марка с тихой улыбкой, без страха и сомнений.

Марк взглянул на неё духовным взором — и сердце сжалось.

«Она слаба. Слишком слаба для этого места», — быстро промелькнули в голове мысли, и Марк невольно вздрогнул.

На планете, где они находились, дети с недостаточным магическим потенциалом часто становились обузой для знатных семей. Способности здесь ценились превыше всего: от них зависело будущее рода, его влияние и сила. «Не усилит род, только ослабит», — говорили старейшины, оценивая новорождённых. Исправить ситуацию можно было — с помощью дорогостоящих ритуалов и древних артефактов, — но затраты не всегда оправдывались. Гораздо проще было отказаться от такого ребёнка, переложив заботу о нём на чужие плечи. Или просто выкинуть как с этой девочкой случилось.

«Как же так?» — подумал Марк, глядя на маленькую девочку, стоявшую перед ним. В груди что-то сжалось от боли и негодования.

Девочка подошла к нему, на лице пропала улыбка глаза её были полны слёз, а голос дрожал:

— Где я? Хочу к маме

Марк мог бы отыскать её родителей — по ауре, по следам энергии, оставленным в пространстве. Мог бы отдать в приют, где о ней хотя бы позаботились формально, по правилам. Но что-то внутри него — не дало это сделать. Он почувствовал, что этот момент не случаен, что судьба ведёт его по какому-то особому пути.

« Это мой путь», — подумал он, и в душе что-то переменялось.

Годы текли незаметно. Марк учил Настю — не только магии, основам контроля энергии и взаимодействию с силами мира, но и тому, как видеть красоту в мелочах: в капле росы на лепестке цветка, в игре солнечных лучей на стене, в звуке ветра, шепчущего древние тайны. Он делился с ней своей энергией — осторожно, бережно, словно садовник, поливающий едва проросший цветок. Он учил её замечать свет даже в самой густой темноте, находить опору в себе, когда вокруг нет ни одной надёжной руки.

С каждым днём девочка становилась сильнее — не только в магическом смысле, но и внутренне. Её глаза уже не были полны слёз — в них загорался огонёк любопытства, а улыбка становилась всё увереннее. Марк видел, как она учится доверять миру и себе, и понимал: он сделал правильный выбор.

— Ты сможешь, — говорил он мягко, но твёрдо, глядя в глаза Насте. — Ты — как семя, которое ждёт своего часа. Внутри тебя уже есть всё необходимое: сила, мудрость, свет. Нужно лишь дать им раскрыться.

Когда время подошло к концу — Марк почувствовал это всем существом, каждой клеточкой, каждым ударом сердца. Он знал: пора. Собрав последние приготовления, он взял Настю за руку, и они отправились на межзвёздном корабле с корпусом, испещрённым следами долгих путешествий. Корабль перенёс их через космические просторы, мимо туманностей и созвездий, на другую планету — к старому другу Кайшину, который ждал их, зная, что этот день настанет.

Они приземлились на ровной площадке у подножия гор, где воздух был чист и свеж, а небо отливало глубоким сапфировым цветом.

— Теперь ты будешь жить здесь, — сказал Марк, опустившись на колени перед Настей, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — Кайшин позаботится о тебе, научит всему, что нужно. А мне пора идти дальше. Мой путь лежит в иные края.

Асияль хотела заплакать — слёзы уже подступили к глазам, обжигая веки. Но она сдержалась. Она всё понимала: это не прощание навсегда, а новый этап. Лишь улыбнулась — робко, чуть дрожащими губами, но искренне.

Перед уходом Марк собрал свою магическую энергию — бережно. Он сформировал её в сияющий шар, переливающийся всеми оттенками золотого и серебристого, и передал его девочке. Часть энергии рассеялась, как дым, уносясь в небо лёгкими струями. Но остальное осталось — тёплое, живое, как последний солнечный луч перед наступлением ночи. Оно оку-

тало Настю мягким светом, проникая внутрь, укрепляя её ауру, оставляя в душе ощущение защищённости и силы.

— Помни: ты не одна, — прошептал он. — Я всегда буду рядом — в твоём сердце, в твоих воспоминаниях, в силе, которую я тебе передал.

А потом он вернулся в Прощальное место.

Стоя среди бледно серых скал, он глубоко вдохнул прозрачный, кристально чистый воздух. В душе было легко — не пусто, а именно легко, как бывает после долгого пути, когда груз забот и сомнений наконец сброшен. Он огляделся вокруг: тишина, покой, величие природы.

«Пора», — подумал он с улыбкой, чувствуя, как внутри разливается спокойствие.

И с улыбкой отправился в новое путешествие — туда, где его ждала следующая глава, следующий этап.

— Надеюсь, ты не забудешь мою историю и меня, — тихо сказала Асияль. В её голосе прозвучала непривычная для неё нотка.

Она подошла к нему вплотную, встала на цыпочки и легко, почти невесомо, поцеловала его в щёку. Движение было таким знакомым, таким естественным — казалось, она делала это уже много раз, в разные моменты их жизни. Но Талвин, как ни пытался, не мог вспомнить ни одного такого эпизода. Воспоминания ускользали, словно песок сквозь пальцы, оставляя лишь смутное ощущение чего-то очень важного, давно забытого.

— Так мы встречаемся? — осторожно спросил Талвин, пытаясь уловить нить, связывающую прошлое и настоящее.

Асияль на мгновение замерла, потом звонко расхохоталась — её смех был лёгким, искрящимся, как утренняя роса.

— А ты как думаешь, забывашка? — подмигнула она, и в её глазах заплясали озорные искорки.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и убежала — быстро, легко, будто паря над землёй. Её силуэт мелькнул среди деревьев и исчез, оставив после себя лишь эхо смеха и лёгкий аромат полевых цветов.

Талвин стоял, слегка ошарашенный, касаясь пальцами щеки, где ещё чувствовалось тепло её поцелуя. Он смотрел ей вслед, и в груди разливалось странное чувство — смесь нежности, лёгкой грусти и какого-то предвкушения. Что-то в этом моменте было не так. Почему она не осталась? Талвин хотел её найти, но её нигде не было.

Когда настал день соревнований, Талвин не находил себе места. Сердце то замирало, то билось часто часто, словно пыталось вырваться наружу, отстукивая неровный ритм в груди. Столько лет подготовки — изнурительных тренировок на рассвете, долгих часов медитации, преодоления боли и усталости — и вот теперь, наконец, испытание. Он хотел показать себя с лучшей стороны, доказать, что все эти старания, боль, усталость — не были напрасны. Доказать в первую очередь себе.

На стартовой площадке собралось около сотни претендентов. Зрелище было до того причудливое, что Талвин невольно улыбнулся, на мгновение забыв о своём волнении. Он не ожидал увидеть настолько странных существ. В обители Кайшина обучались в основном создания, похожие на людей, — пусть с небольшими отличиями, но всё же узнаваемые. А тут были все разные, словно сошедшие со страниц древних легенд.

В толпе он заметил: зверолодей с острыми клыками и горящими янтарными глазами — они переминались с лапы на лапу, шумно втягивали воздух ноздрями и время от времени издавали низкое рычание;

существ из дерева, чьи тела напоминали человеческие, но кожа была шершавой, как кора, а на руках проступали узоры, похожие на годовичные кольца;

рогатых исполинов — молчаливых и грозных, с массивными телами и тяжёлыми взглядами; их рога переливались бронзой и серебром, будто выкованные из драгоценных металлов; полупрозрачных созданий, похожих на сгустки дыма — они плавно скользили между другими участниками, оставляя за собой едва заметный туманный след;

светящиеся фигуры, от которых исходило мягкое сияние — они стояли особняком, переговариваясь беззвучно, лишь мерцание их ауры меняло цвет;

роботов с металлическими суставами и холодными глазами сенсорами — механизмы двигались с механической точностью, сканируя пространство вокруг себя.

Все они прибыли с разных планет, из далёких уголков галактики, и каждый нёс в себе тайну и разную силу. Талвин ощутил, как его волнение постепенно сменяется восхищением и любопытством.

Особенно выделялся один участник: то он становился желеобразным, словно огромный слизень, медленно перетекающий по земле, то вновь обретал человеческий облик — причём вместе с одеждой, что выглядело до крайности странно. В момент трансформации ткань будто вырастала из его тела, идеально ложась по фигуре, а обувь появлялась последней, с лёгким щелчком застёжек. Зрители то и дело ахали, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища.

Талвин же, стоя в стороне, машинально провёл рукой по волосам — там, в тёмных прядях, уютно устроился левиан. С собой можно было взять любое приспособление, ранее использовавшееся в тренировках, или питомца — и он, конечно, взял левиана, ведь без него никак. За эти годы малыш научился уменьшаться до размеров ногтя, а порой и вовсе прятался в волосах Талвина, едва заметный.

Левиан был слабенький, совсем не грозный на вид. Но для Талвина он значил больше, чем любое оружие. Другие участники хранили своих питомцев в пространственных мешочках или специальных браслетах, активируя их лишь в нужный момент. Но Талвин так не мог. После той травмы, после долгих лет восстановления, когда он думал, что уже никогда не восстановится, левиан всегда был рядом. Вокруг него другие участники готовились к испытанию каждый по-своему, демонстрируя удивительные способности и артефакты:

Один одел ранец с серебристыми крыльями — те трепетали, будто живые, а из небольших сопел вырывались струйки голубого пара. Он сделал пробный взмах — и тут же поднялся на пару метров над землёй, балансируя с сосредоточенным выражением лица.

Другой оседлал большой меч, который парил в воздухе, выписывая медленные круги. Оружие откликнулось на прикосновение хозяина, засветилось мягким оранжевым светом и поднялось выше, предлагая всаднику занять место.

Третий отталкивался от воздуха, прыгая над землёй, словно по невидимым ступеням. Каждый шаг сопровождался лёгким мерцанием — будто под ногами возникали и тут же исчезали призрачные платформы. Он разминал мышцы, проверяя ритм и высоту прыжков.

Четвёртый возился со странным аппаратом в виде яйца, в которое можно было сесть. Устройство издавало мелодичные гудящие звуки, а на поверхности появлялись и гасли символы, напоминающие древние руны. Хозяин что-то бормотал, настраивая механизмы, и время от времени поглядывал на табло, где бежали цифры обратного отсчёта.

Талвин наблюдал за всем этим, чувствуя, как волнение, ещё недавно сжимавшее сердце ледяными тисками, постепенно уступает место спокойствию. Глубокое, ровное дыхание выровняло ритм сердца, а в сознании воцарилась та особая ясность, к которой он так долго стремился на тренировках. Он машинально коснулся волос, и тут же ощутил лёгкое шевеление — едва заметное, но безошибочно узнаваемое. Левиан подал знак, что готов: крошечное создание слегка пошевелилось, чуть крепче ухватилось за прядь волос и тихонько пискнуло — так, что услышать мог только хозяин. Этот привычный жест, знакомый до мелочей, придал Талвину уверенности: он не один, они в этом испытании вместе.

В последний момент, когда он уже собирался сосредоточиться на старте, взгляд невольно зацепился за знакомый силуэт. Асияль! Она стояла чуть в стороне, у самой границы стартовой площадки, рядом с группой участников с другой планеты — высокими, с серебристой кожей и кошачьими глазами. Талвин замер на мгновение: он ведь думал, что потерял её и искал повсюду — И вот она здесь, совсем близко.

Он решительно шагнул в её сторону. Но едва Талвин сделал несколько шагов, воздух разорвал громкий, пронзительный звук гонга. Он прокатился над площадкой, отдаваясь эхом в груди, и усиленный магией голос распорядителя громогласно объявил:

— Испытание начинается!

Талвин остановился на полушаге, сжимая кулаки от досады. Он обернулся, пытаясь поймать взгляд Насти, но та уже заняла позицию, повернулась лицом к трассе и приготовилась к старту. В последний миг их глаза всё же встретились — и в этом коротком взгляде было всё: и сожаление, что не успели поговорить, и взаимная поддержка, она нехотя отвела взгляд.

И вот — начало.

Первыми рванули те, кто умел летать. Их фигуры, разнообразные и причудливые, взмыли вверх с поразительной стремительностью: кто-то расправил перепончатые крылья, кто-то активировал антигравитационные ранцы, кто-то просто оттолкнулся от земли с нечеловеческой силой. Но почти сразу они исчезли в огромной тёмной туче, нависшей над огромным полем, словно живое существо. Оттуда донеслись сильные взрывы — глухие, раскатистые, — и сверкали молнии, озаряя облака изнутри зловещим сине-белым светом. В воздухе запахло озоном и чем-то ещё, незнакомым и тревожным. В полукилометре ударила молния и повезло что все были далеко от удара.

Другие бросились вперёд по земле, обгоняя ветер. Они мчались так быстро, что казались размытыми силуэтами: зверолоды с мощными лапами, роботы с ускорителями в ногах, лёгкие полупрозрачные создания, скользящие над поверхностью, словно по льду. Их топот и гул механизмов сливались в единый гул, напоминающий отдалённый гром.

Асияль была среди первых. Она рванулась вперёд с удивительной грацией — её движения были отточены, расчётливы, будто она заранее знала каждый шаг этой трассы. Талвин, не теряя времени, последовал за ней, стараясь не отставать.

Поначалу путь пролегал через широкое поле, поросшее высокой серебристой травой, шелестевшей под ногами. Но вскоре ландшафт резко изменился: поле сменилось отвесными скалами, вздымающимися ввысь на десятки метров. Гладкие, почти полированные поверхности не давали зацепок, а кое где выступали острые выступы, угрожающе сверкающие в свете молний.

Талвин начал карабкаться. Сил у него было не так много, как ему хотелось бы верить, — мышцы уже начинали ныть от напряжения, а дыхание сбивалось. Но выносливость, выработанная долгими тренировками, не подвела. Он цеплялся за малейшие неровности, находил опору там, где другие видели лишь гладкую поверхность, и упорно продвигался вверх.

Особенно осложняло подъём то, что притяжение здесь было в разы больше, чем обычно. Каждый шаг давался с усилием, каждая мышца кричала от напряжения, а рюкзак с припасами и инструментами словно наливался свинцом. Талвин стиснул зубы, сосредоточившись на следующем захвате, на следующем шаге. Где-то впереди мелькнула фигура Насти — она уже почти достигла вершины, ловко перепрыгивая с уступа на уступ. Вдохновившись её примером, Талвин сделал ещё одно усилие и подтянулся на очередной выступ. Впереди ждали новые испытания, но сейчас главное было — не отстать.

Он лез вверх, упорно преодолевая каждый метр: перепрыгивал глубокие расщелины, цеплялся за малейшие выступы, использовал верёвку с крюком, чтобы преодолеть особо сложные участки. Снег мешал — забивался в ботинки, холодил ступни, слепил глаза, когда порывы ветра швыряли снежную крупу прямо в лицо. Талвин стряхивал его с ресниц, протирал глаза

рукавом и снова тянулся к следующему упору. Пальцы уже начинали неметь, мышцы горели от напряжения, но он упрямо двигался вперёд.

Так прошло полдня — долгие часы изнурительного подъёма, когда каждый метр давался с боем. Талвин уже начал надеяться, что худшее позади, как вдруг столкнулся с первой серьёзной опасностью на этом испытании.

Впереди, на узком карнизе, показались горные медведи — могучие создания с густой тёмно серой шерстью и мощными лапами, вооружёнными длинными когтями. Они карабкались по отвесным скалам с поразительной лёгкостью, словно вовсе не чувствовали притяжения, будто действительно летали, а не лезли по камням. Один из них поднял голову, принялся — и Талвин замер, затаив дыхание.

Полагаясь на свою интуицию, он решил обойти хищников стороной. Осторожно, стараясь не производить ни звука, Талвин начал спускаться чуть ниже, выискивая альтернативный маршрут — более длинный, но безопасный. Он рассчитывал дотянуть до ночи: по слухам, горные медведи в тёмное время суток становились менее активны, предпочитая отдыхать на своих горных тропах.

Когда солнце скрылось за горизонтом, окрасив небо в багряно фиолетовые тона, а тени начали сгущаться, Талвин наконец нашёл укромное место для ночлега — небольшой выступ скалы. Он устало опустился на снег, стряхнул снег с одежды, проверил снаряжение и, завернувшись в тонкий спальный плащ, защищающий от холода, приготовился ко сну. Усталость навалилась всей тяжестью

Но сон не успел его окутать. Сквозь полудрёму он услышал приближающиеся шаги — тяжёлые, слишком громкие для горного ветра. Талвин резко открыл глаза. Вдалеке вырисовывалась огромная тень. Горный медведь заметил его. Зверь замер на мгновение, приюхиваясь, а затем, издав глухой, утробный рёв, бросился в атаку.

Талвин вскочил на ноги, нащупывая оружие. Сердце забилось часто и гулко. Левиан, до этого мирно дремавший в волосах, встрепенулся чувствуя опасность.

Талвин инстинктивно выхватил нож — его единственное оружие в этой схватке. Лезвие тускло блеснуло в свете луны, когда он вскинул руку, готовясь к обороне. Он громко и резко закричал, призывая Левиана на помощь, вкладывая в голос отчаяние. Даже в этот миг, когда смерть дышала в затылок, он не оставлял надежды на спасение — мысль работала лихорадочно, ища выход из ловушки.

Когти медведя вспороли воздух в миллиметре от лица Талвина — он успел отклониться, но не полностью: массивная лапа всё же настигла плечо. Острая, жгучая боль взорвалась в теле, заставив стиснуть зубы. Кровь фонтаном ударила из раны, окропив снег багровыми каплями, которые тут же начали темнеть на морозе.

В тот же миг Левиан молнией метнулся к зверю — крошечное создание, полное отваги, бросилось прямо перед мордой медведя, ударив небольшой молнией. Зверь на мгновение отвлекся, повернул голову, и этого мига Талвин использовал сполна.

Не теряя ни секунды, он рванулся в сторону, к спасительной расщелине, что виднелась в скале неподалёку. Но в спешке и под натиском боли он не заметил, что под слоем рыхлого снега скрывается небольшая бездна, замаскированная снегом.

Нога провалилась в пустоту, Талвин потерял равновесие и полетел вниз. Падая, он ударился головой о выступающие камни — резкий всплеск боли, затем тьма, и сознание покинуло его. Последнее, что он уловил, был отдалённый рёв медведя и тревожный писк Левиана, зовущего хозяина

Когда Талвин пришёл в себя, он обнаружил, что его везут на специальной каталке — жёсткой, с металлическими бортами и ремнями, надёжно фиксирующими тело. Руки и ноги

были стянуты так туго, что даже малейшее движение давалось с трудом. Он попытался пошевелить запястьем — ремни лишь сильнее впились в кожу.

Талвин огляделся, пытаясь оценить обстановку. Рядом, по обе стороны от каталки, шли два огромных медведя — массивные, с густой тёмно серой шерстью и мощными лапами, вооружёнными длинными когтями. Они были похожи на того хищника, что напал на него: те же грозные очертания, та же пугающая сила в каждом движении. Звери переговаривались низким, рычащим голосом, и от этих звуков по спине Талвина пробежал холодок.

— Станный у этого был нож, — проворчал один из медведей, осторожно шевеля передней лапой. — Я как только его взял, он просто пропал, а лапа теперь болит. Будто огнём обожгло.

— Обыщи его, — отозвался второй. — Может, у него есть что-нибудь интересное.

Медведь склонился над Талвином и начал тщательно прошупывать его одежду, особое внимание уделяя тому месту, где находился прибор статуса. Но ничего не нашёл. Талвин отчётливо чувствовал, как устройство по-прежнему лежит у него под одеждой — холодное, чуть вибрирующее, но для медведя оно словно не существовало.

— Очень странно, — пробормотал зверь, хмурясь.

— Что то есть на груди, — вмешался первый медведь. Резким движением он разорвал одежду Талвина на груди. — Какой интересный медальон! Теперь будет моим.

Он протянул лапу и схватил украшение — в тот же миг его морда исказилась от боли: лапу сильно обожгло. Небольшой камень в центре медальона начал светиться всё ярче, испуская пульсирующий голубой свет. Он жег кожу Талвина сквозь ткань, вызывая мучительную боль. Оправа из белого золота начала растворяться, словно тая, а сам камень, пульсируя, словно вживался в тело, становясь его частью.

Талвин закричал от боли, но звук заглушил кляп во рту. Он извивался, пытаясь освободиться, но ремни держали крепко.

— А ну, не кричи, а то получишь ещё! — рявкнул один из медведей, угрожающе поднимая лапу.

— Ну вот, теперь только вилкой выковыривать — проворчал второй, разглядывая остатки цепочки. — Только цепочка осталась.

— Давай скорей, нам ещё много дел делать, — поторопил первый медведь, хватая остатки цепочки и резко дёргая её.

Каталка покатила дальше, а Талвин, обессиленный и потрясённый, закрыл глаза. В голове билась одна мысль: что же теперь будет?

— Все места заняты, осталась только одна. Придётся вести в эту комнату, других больше нет, — проворчал один из медведей, тяжело переставляя лапы.

Талвин лишь мог мычать из-за кляпа во рту — беспомощно, глухо, с бессильной досадой. Его осторожно, но крепко подхватили за края каталки и покатали по каменному коридору. Поворот, ещё один — и вот они остановились у массивной двери с выгравированным на ней символом: спираль, обвивающая каплю.

Дверь открылась с тихим шипением, и Талвина ввели внутрь. Комната оказалась небольшой, но поразительной: в центре возвышалась вытянутая овальная сфера, переливающаяся глубоким синим цветом. Она пульсировала в такт какому то невидимому ритму, то разгораясь ярче, то приглушая сияние. Свет от неё отражался от гладких каменных стен, создавая причудливые узоры, словно танцующие созвездия. Это зрелище завораживало — такая красота могла бы заморозить любого, заставив забыть обо всём на свете. Талвин невольно залюбовался, несмотря на своё положение.

Один из медведей сказал другому, понизив голос:

— Ты хоть знаешь, какое там находится оружие? Говорят, что здесь приз самого шефа находится. Очень сильное, так про него говорят, хотя никто его и не видел.

— Один охранник как-то раз дотронулся до сферы защитной, — отозвался второй, хмыкнув. — Рука у него онемела на несколько дней. Так что не советую тебе узнавать, что там.

Медведи переглянулись, ещё раз осмотрели Талвина и, не говоря больше ни слова, вышли, плотно закрыв за собой дверь.

Рана на плече Талвина почти зажила — он чувствовал, как боль утихла, а кожа стянулась, хотя и напоминала о себе ноющим ощущением. Он был рад, что остался жив, но не понимал, почему его связали, зачем привезли сюда. Мысли метались, как птицы в клетке.

Вскоре тишину нарушил скрип двери. В комнату вошёл странный человек. Его тело выглядело так, будто было собрано из разных частей: одна рука казалась металлической, другая — костяной; нога при каждом шаге издавала тихий щелчок, а лицо, наполовину скрытое тенью капюшона, хранило загадочное выражение.

— Добро пожаловать! — прохрипел он, подходя ближе. Голос звучал так, будто его обладатель давно не говорил вслух. — Ты в моей маленькой лаборатории. Меня зовут Антуан, я здесь главный.

Он остановился напротив Талвина, склонил голову набок, изучая пленника с любопытством учёного, нашедшего редкий образец.

— Вижу, ты удивлён. И напуган. Но не бойся — по крайней мере, пока. У меня к тебе есть пара вопросов и, возможно, предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Антуан покатил тележку с Талвином в главный зал — просторный, с высоким сводчатым потолком и стенами, покрытыми странными символами, мерцающими в полутьме. По пути он не переставал говорить, и голос его звучал зловеще и торжествующе одновременно:

— Вы не представляете, как же долго я ждал вас, друзья. А ещё, что самое важное, — вас никто не станет искать. Вы слабые и никчёмные. Никто не заметит вашего исчезновения, никто не поднимет тревогу. Вы — те, кого мир с лёгкостью забудет.

Слова Антуана звучали как приговор. Талвин почувствовал холодок страха, пробежавший по спине. Он оказался в ловушке среди чудовищ и безумцев, в месте, где законы привычного мира, похоже, не действовали. Но внутри него ещё теплилась искра надежды — напоминающая, что сдаваться нельзя.

В зале Талвин быстро окинул взглядом присутствующих. Всего здесь было около десяти человек. Среди них он с облегчением заметил Альберта — тот стоял у дальней стены, бледный, но живой. Одежда некоторых пленников была разорвана, будто её порвали в сражении или в отчаянной попытке вырваться. Лица у всех были измученные, глаза — полные страха и непонимания. По их взглядам и сбивчивым движениям было ясно: никто из них не понимал, где оказался и что с ними собираются делать.

Кто-то из пленников начал выкрикивать ругательства, требуя объяснений, но двое zeroes в чёрных мантиях мгновенно подошли к нему и грубо заставили замолчать.

— Очень хорошо, — произнёс Антуан, обводя взглядом собравшихся. Его глаза сверкнули холодным удовлетворением. — Здесь оказался даже средний по силе человек, — в этот момент он посмотрел прямо на Альберта. — Не будем терять времени и начнём эволюцию.

— Какую эволюцию? — раздалась возгласы из толпы. — Что вы собираетесь с нами делать?

Но ответа не последовало. Антуан лишь усмехнулся, сделал знак рукой, и пленников начали развозить по разным комнатам.

Полдня никто не подходил к Талвину. Он лежал на каталке, пытаясь осмыслить происходящее, придумать план побега, но всё казалось бессмысленным: ремни крепко держали его, а дверь комнаты была заперта снаружи.

Первым, кто вошёл к нему, был зверочеловек из семейства медвежьих — тот самый, с которым Талвин сражался ранее. Теперь он выглядел иначе: уже не огромный хищник с мощными лапами, а мужчина среднего роста с грубыми чертами лица и медвежьими глазами. Видимо, он мог трансформироваться, уменьшая себя до человеческого облика.

Зверолюд приблизился к каталке, склонился над Талвином. Его нос дёрнулся, принюхиваясь, а глаза внимательно изучили лицо пленника. Без лишних слов он достал небольшой инструмент, похожий на стилет, и быстрым движением взял кровь из пальца Талвина. Капля алой жидкости скатилась в крошечную колбу.

Затем зверолоуд внимательно осмотрел Талвина — провёл лапой вдоль тела, задержался на повреждённом плече, слегка надавил, будто проверяя реакцию. Закончив осмотр, он без предупреждения брызнул в лицо юноше какой-то жидкостью — прозрачной, с резким запахом.

Талвин почувствовал, как по коже лица разливается холод, а веки становятся невыносимо тяжёлыми. Сознание ускользнуло, и он погрузился в глубокий, беспробудный сон.

Проснулся он от криков — громких, отчаянных, полных боли. Они то нарастали, то затихали, эхом отражаясь от стен лаборатории. Но откуда шли эти звуки, разобрать было невозможно: казалось, они доносятся сразу отовсюду.

Через час явился Антуан. Он молча подошёл к каталке, достал шприц с желтоватой жидкостью и сделал укол в левую руку — правая всё ещё была повреждена и туго забинтована. Учёный не произнёс ни слова, лишь бросил на Талвина короткий, изучающий взгляд, после чего развернулся и ушёл, оставив юношу в тревожном ожидании.

Следующий день тянулся мучительно медленно. Время словно застыло, превратившись в тягучую массу, которую приходилось проталкивать сквозь себя с каждым вдохом.

Наутро Талвин заметил странное: кожа на руке начала отслаиваться тонкими полупрозрачными чешуйками. Жгло, будто под ней кипела вода, но боль была терпимой, глуховатой, скорее напоминающей зуд, чем настоящую муку. Пристальней посмотрев на кожу, она казалась сухой и хрупкой, словно старая кора дерева.

Снова пришёл зверолоуд. Он остановился у каталки, удивлённо взглянул на Талвина и покачал головой:

— Ты не кричишь. Крепкий оказался. Большинство вопят так, что уши закладывает. А ты — он задумчиво почесал затылок. — Любопытно.

Потом их всех собрали в общем зале везя на каталках. Потом койка перешла в вертикальное положение и можно было разглядеть других лучше. Кто-то кричал, срывая голос, кто-то лежал без сознания, а кто-то смотрел, безучастно уставившись в одну точку. Каждый выглядел так, словно над ним уже поработали — необратимо, безжалостно. На лицах, руках, телах виднелись следы изменений: у одних кожа покрылась чешуёй, у других начали расти когти, третьи дрожали, будто внутри них бушевала неведомая сила.

Антуан встал перед ними, сложил руки за спиной и окинул взглядом свою «коллекцию». Его глаза горели фанатичным восторгом.

— Я специально вас всех собрал, дабы вы увидели вашу новую эволюцию и порадовались вместе со мной, — провозгласил он. — Посмотрите друг на друга! Вы — первые шаги к совершенству. Вы — будущее, которое я создал!

Персонал вышел из зала, оставив десять подопытных человек наедине с ужасом осознания. В воздухе повисла тяжёлая тишина, прерываемая лишь стонами и всхлипами. Талвин сжал кулаки, чувствуя, как под отслаивающейся кожей что-то шевелится — что-то новое, чужое, но в то же время, становящееся частью его самого.

Воздух вдруг наполнился гулом — тихим, едва уловимым на слух, но при этом проникающим глубоко в кости, вызывающим мелкую дрожь и странное ощущение, будто сама реаль-

ность вокруг начала вибрировать в новом, чуждом ритме. Талвин невольно напрягся, прислушиваясь к этому звуку, который, казалось, исходил отовсюду и ниоткуда одновременно.

Вслед за гулом в воздухе появились крошечные светящиеся полуovalы — словно капли света, застывшие в пространстве. Они мерцали, пульсировали в такт гулу, медленно кружились, образуя причудливые узоры, будто танцующие созвездия в миниатюре. Их бледно голубой свет с золотистыми искрами мягко озарял лица пленников, придавая им призрачный, нереальный вид.

Талвин вдруг ощутил резкий жар в левой руке — не обжигающий, а глубокий, внутренний, словно внутри неё разгорался крошечный костёр. Он опустил взгляд — и замер, не в силах поверить своим глазам. Кожа на руке начала растворяться, словно её стирала невидимая рука: сначала исчез поверхностный слой, затем мышцы и плоть, обнажая белёсую кость. Превращение шло быстро, плавно, без крови, без боли — только лёгкое покалывание и ощущение, будто рука стала в несколько раз легче. Кость, освободившаяся от плоти, приобрела странный перламутровый оттенок и едва заметно мерцала в свете парящих огней.

Другие пленники менялись иначе — каждый по-своему, пугающе и непредсказуемо. Один из них с хриплым криком ругался, его тело начало стремительно расти, покрываясь густой шерстью из стальных нитей — он превращался в зверолода медведя, чьи когти сверкали, как лезвия. Другой покрылся крупной чешуёй бронзового цвета, которая с треском разрасталась по коже, образуя жёсткий панцирь. Третий словно потерял форму: его тело растеклось, превращаясь в бесформенную массу, пульсирующую и колышущуюся, будто живой расплавленный воск.

Альберт не изменился — он стоял на месте, бледный как полотно, и кричал громче всех. Его голос срывался на хрип, глаза были расширены от ужаса, а руки судорожно сжимались и разжимались, будто он пытался ухватиться за что то, что могло бы остановить происходящее.

Антуан подошёл к Талвину. На его лице читалось явное недоумение — брови сошлись к переносице, губы сжались в тонкую линию. Он внимательно осмотрел преображённую руку юноши, провёл рядом с ней прибором, напоминающим компас с дрожащей стрелкой, и пробормотал:

— Должно было быть больше Я рассчитывал на более масштабную трансформацию. Почему именно у него процесс остановился на этой стадии? Разговаривал он сам с собой.

Учёный обходил каждого пленника, внимательно осматривал, делал пометки в толстом кожаном дневнике, бормоча себе под нос какие-то формулы и расчёты. Внезапно он резко выпрямился и громко, почти яростно, воскликнул:

— Куда пропал один?! — его голос эхом отразился от стен. — Срочно найдите мне его! Нужно всё тут осмотреть, проверить датчики, перепроверить показатели!

Зверолоды и ассистенты бросились выполнять приказ: они обыскивали углы зала, заглядывали под платформы, проверяли вентиляционные шахты. Они долго его искали, но не могли найти — словно человек просто испарился, не оставив ни следа. Прошло пять минут, а поиски ни к чему не привели.

— Ладно, хватит! — резко оборвал поиски Антуан, хлопнув ладонью по дневнику. — Действуем дальше. План остаётся прежним.

В этот момент в зал вкатили массивный железный ящик на колёсиках — тяжёлый, с толстыми стенками и единственным прозрачным окошком в верхней части. Внутри, за стеклом, пульсировало чёрно красное вещество, будто живое: оно то сжималось в плотный комок, то растекалось по стенкам, выбрасывая тонкие щупальца, которые тут же втягивались обратно. От него исходило слабое красное свечение и едва уловимый неприятный запах несмотря на замкнутость.

Ящик подносили к каждому пленнику поочерёдно. Антуан внимательно наблюдал за реакцией вещества, склоняясь ближе к прозрачному окошку, и делал аккуратные пометки в

своём кожаном дневнике — записывал время, интенсивность пульсации субстанции, малейшие изменения в её поведении. Его глаза горели фанатичным интересом, а пальцы нервно постукивали по обложке блокнота в ожидании новых данных.

Когда очередь дошла до Талвина, произошло нечто неожиданное. Ящик, стоявший на тяжёлой тележке, вдруг задрожал — сначала едва заметно, затем всё сильнее, словно внутри него завелся невидимый механизм, пытающийся вырваться наружу. Вещество внутри забилося в угол, словно пыталось отстраниться от юноши, сжаться в комок подальше от него. Оно пульсировало с удвоенной частотой, выбрасывая короткие щупальца к стеклу, будто в панике.

Несмотря на массивность конструкции, ящик начал подпрыгивать на тележке — ритмично, с глухим стуком. Цепи, которыми он был закреплён к платформе, натянулись до предела, заскрипели под нагрузкой. Внутри, на поверхности стен, образовались углубления — неровные, глубокие, будто вещество пыталось выгрызть себе путь наружу, пробиться сквозь крепкую защиту.

Антуан резко выпрямился. Лицо его на мгновение исказилось смесью удивления и раздражения. Он сделал знак персоналу, и те поспешно откатали ящик от Талвина. Учёный несколько секунд всматривался в беспокойную субстанцию, затем громко и властно отдал приказ:

— Остановить эксперимент! Зафиксировать аномалию. Переместить всех подопытных в изолированные камеры.

Их снова развели по комнатам — каждого в отдельную, холодную, с голыми каменными стенами. Талвин успел заметить, как зверюды с хмурыми лицами сопровождают остальных пленников, как Альберт, всё ещё бледный и дрожащий, бросает на него короткий взгляд.

Через несколько минут в комнату вошёл один из ассистентов Антуана. Без слов он приблизился к Талвину и брызнул ему в лицо той же прозрачной жидкостью с резким запахом. Мир перед глазами поплыл, веки налились тяжестью, и юноша погрузился в глубокий, беспробудный сон. То же самое произошло и с остальными — вскоре во всех камерах воцарилась тишина.

Талвин лежал он только что проснулся, туго стянутый ремнями, и вдруг ощутил: что-то меняется. Ремни ослабевали — их кто-то резал, аккуратно и методично, словно невидимый нож скользил вдоль ремней. Он повертел головой, вглядываясь в полумрак комнаты, но никого не увидел. Тишина была абсолютной, лишь где-то вдалеке слышалось глухое гудение овальной сферы.

Когда последние ремни упали на пол с тихим шелестом, он попытался встать — и не смог. Кровь давно не поступала в конечности; теперь, возвращаясь, она жгла, колола, терзала тело тысячами крошечных игл. Руки и ноги пылали, будто их окунули в кипяток. Талвин стиснул зубы, переждал. Пять минут — словно вечность. Он считал про себя, стараясь сосредоточиться на цифрах, чтобы отвлечься от боли: один, два, три

Наконец боль утихла до терпимой, оставив после себя лишь глухое покалывание и слабость во всём теле. Он поднял руку — свою новую, костяную, — и замер в изумлении. Кость мерцала в полутьме мягким синим светом, переливаясь, словно внутри неё текла неведомая энергия. «Почему она не рассыпается? — подумал Талвин. — Что держит её воедино? И отчего слабо светится синим?» Он осторожно согнул пальцы — они двигались плавно, без скрипа, без ощущения хрупкости. Напротив, в них чувствовалась странная сила, будто каждая косточка была наполнена скрытой мощью.

В этот миг из его волос выпорхнул крошечный Левиан. Он всё время пряталось там, сжимаясь до очень маленького размера, чтобы остаться незамеченным. Левиан завис в воздухе перед лицом Талвина. Почему ты мне не помог раньше? Но тот ничего не ответил.

Оправившись от последствий пробуждения, Талвин медленно поднялся на ноги. В центре комнаты возвышалась загадочная сфера — полупрозрачная, с мерцающей поверхностью, напоминающей застывший туман. Внутри неё покоилась почти двухметровая палка. На её поверхности то проступали, то гасли странные письмена — угловатые, незнакомые символы, которые переливались призрачным голубоватым светом, будто живые. Они пульсировали в каком-то неведомом ритме, то разгораясь ярче, то затухая почти до полной темноты. Странно, но раньше я не видел, что внутри подумал Талвин.

«Может, моя рука справится?» — подумал он, невольно сжимая и разжимая костяные пальцы. Их голубоватое свечение усилилось, отражалось на стенах, напоминая ему о произошедших изменениях.

Он сделал шаг вперёд, затем ещё один, осторожно приближаясь к сфере. Протянул костяные пальцы — поверхность сферы поддалась под их прикосновением, словно тягучее желе, слегка колеблясь и образуя воронку вокруг его руки. Талвин замер на мгновение, прислушиваясь к себе, а затем медленно, осторожно потянулся к палке. Его сердце забило чаще, кровь застучала в висках. Вот уже почти схватил Мысль о том, что с таким оружием он одолеет любого противника, придала ему решимости.

Но палка будто выросла в сферу, не желая покидать своё место. Талвин напряг все силы, упёрся ногой в пол, вцепился в древко крепче. С каждым рывком вокруг его руки вспыхивали молнии — сначала слабые, едва заметные искры, затем всё ярче и ярче. Синие разряды плясали вокруг, шипя и потрескивая. Стало очень жарко, волосы встали дыбом от статического электричества.

— Осторожно! — почувствовал от Левиана мысли Талвин и тот бросился к нему на помощь. Крошечное существо приняло часть удара на себя: тело на мгновение окуталось голубым ореолом.

И вот с большим трудом — палка наконец поддалась и оказалась в руках Талвина. В тот же миг мощная молния хлестнула по его телу и по Левиану, отбросив назад обоих. Он отлетел, ударившись спиной об массивный деревянный стол, — удар вышиб воздух из лёгких, потемнело в глазах. На мгновение мир погрузился в гулкую тишину.

Талвин лежал, тяжело дыша, пытаясь прийти в себя. Боль пронзила спину, и на миг он испугался, что сломал позвоночник. Но, осторожно пошевелив конечностями, понял — обошлось. Лишь сильный ушиб, который отдавался тупой пульсацией при каждом движении.

Он сжал древко крепче, разглядывая палку. Письмена на ней продолжали мерцать, пульсировать, словно напоминая о своей силе.

«Странное оружие», — подумал он, чувствуя, как по руке пробегает лёгкая вибрация, будто палка была живой.

Талвин стиснул древко палки обеими руками — костяные пальцы впились в поверхность, ощущая, как оружие пульсирует в его хватке, словно живое. Оно слегка вибрировало, передавая в ладони слабый, но отчётливый ритм. Он замахнулся — но палка двигалась странно, неуклюже, позволяя лишь рубящие удары сверху вниз. Каждая попытка горизонтального взмаха отзывалась острой болью в онемевших пальцах, будто невидимые цепи сковывали движения, не давая развернуться в полную силу.

Из тёмного коридора доносились звуки битвы — звон металла, звериный рык, крики боли и яростные возгласы. Где-то там сражались освобождённые пленники, и каждый звук пугал его, заставлял сердце сжиматься от тревоги. «Может, не ходить туда? Пересидеть, где-нибудь в укромном углу?» — металась мысль в голове. Он представил, что будет, если они проиграют: новые опыты, бесконечные мучения «Нет, — твёрдо решил он, сжимая древко крепче. — Нужно помочь. Я не могу прятаться, пока другие рискуют жизнью».

Внезапно в комнату ворвались двое: медведь, сцепился с Альфредом. Зверь взревел, его когти сверкнули в полумраке, оставляя глубокие борозды на стене почти попадая по против-

нику. Не раздумывая, Талвин бросился вперёд. Сверху вниз ударил палкой по голове медведя. Тот издал хриплый рык и с грохотом рухнул на пол.

Но победа была недолгой. Из тени выступили новые противники — два медведя, оскаленные, с горящими глазами, готовые к атаке. Их движения были быстры и смертоносны, и Талвин едва успевал отбивать удары, уворачиваться, парировать. Палка в его руках гудела, пульсировала сильнее, словно впитывала напряжение и удары.

Другие пленники тоже не сидели сложа руки. Кто-то использовал телекинез — предметы летали по комнате, ударяясь о стены. Другой создавал железные шипы, вырастающие прямо из пола, чтобы замедлить противников. Третий полагался на физическую силу — его массивные кулаки наносили сокрушительные удары. В воздухе летали искры и огненные шары, разбивалась мебель, рычали медведи, а запах гари смешивался с запахом пота и крови.

И тут пространство содрогнулось — не просто дрогнуло, а буквально исказилось, будто реальность треснула под чудовищным давлением. В дверном проёме возник Антуан. Его лицо искажала ярость, губы были искривлены в яростном оскале, а глаза сверкали холодным, безжалостным светом. Посох в его руках пульсировал тёмной энергией — чёрные и багровые всполохи пробегали вдоль древка.

Один удар посохом о пол — и время словно загустело, превратившись в вязкий кисель. Движения замедлились до невозможности: Талвин чувствовал, как будто продирается сквозь толщу воды, каждый шаг требовал невероятных усилий. Даже Альфред, прежде быстрый как молния, теперь двигался очень медленно — его рука застыла на полпути к удару, мышцы напряглись в тщетной попытке преодолеть сопротивление воздуха.

Силы таяли с каждой секундой. Очередной удар Антуана отбросил Талвина к стене с такой силой, что затрещали камни кладки. Воздух выбило из лёгких, перед глазами заплескали тёмные пятна. Он чувствовал, как сознание начинает уплывать — мир расплывался, звуки отдалялись, а в ушах нарастал гул. Ещё немного, и его снова схватят, вернут в лапы Антуана, снова начнутся опыты, снова цепи, снова боль.

Но в этот миг реальность взорвалась ослепительным, почти нестерпимым светом. И тут же, словно цунами, на него обрушились волны воспоминаний: хаотичные, противоречивые, они накатывали одна за другой, не давая передышки.

Он отчаянно пытался открыть глаза — но тщетно. Сознание металось в этой буре образов, не в силах определить, где граница между сном и явью: то ли он всё ещё погружён в глубокий, вязкий сон, то ли уже пробудился — но в какомто ином, искажённом мире.

Ощущение напоминало безумный океан, чьи волны швыряли его из крайности в крайность: в один миг сознание прояснялось, наполняясь знаниями и памятью, словно он постигал тайны вселенной; а в следующую секунду разум пустел, деградируя до состояния безвольного овоща. Он понимал: нужно взять себя в руки, вернуть контроль, стать прежним — и изо всех сил концентрировался, напрягал волю, пытался ухватиться за ниточки рассудка но всё было тщетно. Этот безумный, неуправляемый процесс уже начинал невыносимо раздражать.

То он — мудрец, владеющий всеми знаниями мира, то — беспомощное существо без единой связной мысли. И самое досадное — от него самого это совершенно не зависело, сколько бы усилий он ни прилагал. От осознания собственной беспомощности раздражение лишь нарастало, скапливаясь где-то в груди тяжёлым, давящим комком.

Вдруг перед внутренним взором возникла белая точка — крохотная, назойливая, она закружилась перед глазами, словно надоедливая муха, ещё сильнее распаяя раздражение. Постепенно к этому добавилось и физическое ощущение: во рту появился горький привкус — едкий, знакомый, напоминающий те самые лечебные зелья Кайшина, что когда-то приходилось глотать.

И только тогда ему наконец удалось разлепить веки. Он снова лежал на жёсткой койке, туго привязанный ремнями, — значит, им так и не удалось победить. Над ним, склонившись,

возвышался Антуан: сосредоточенно хмуря брови, он что-то аккуратно записывал в свой потрёпанный блокнот, аккуратно выводя буквы тонким пером.

— Наконец проснулся? И не надоело спать целый день? — с лёгкой, чуть насмешливой улыбкой произнёс он. Сильно конечно тебе тогда досталось. Зато будешь знать как сопротивляться.

В этот самый момент в коридор с громогласным боевым кличем ворвалась группа воинов. Их доспехи сверкали в свете факелов, отбрасывая блики на каменные стены, а шаги гулко отдавались под сводами, нарушая гнетущую тишину этого места.

Впереди шёл Кайшин, а в руке он сжимал меч, окутанный серебристым сиянием. Битва вспыхнула с новой силой: звон стали, крики, вспышки магии заполнили пространство. Теперь шансы были равны — подкрепление переломило ход сражения.

Медведи были побеждены один за другим: их мощные тела, скованные магическими путами, падали на пол. Кто-то из бойцов набрасывал на них сети, другие обезвреживали оставшихся противников точными ударами. Вскоре все зверюды были связаны и обезврежены. Антуан не стал сражаться, увидев всё это.

Кайшин подошёл к Талвину и протянул руку в латной перчатке — металл чуть блеснул в тусклом свете.

— Ты как? — спросил он, и в его голосе прозвучала искренняя теплота.

Талвин слабо кивнул. Кайшин помог ему сесть.

Тем временем остальные воины освобождали пленников: лязг пряжек и скрип засовов нарушили тишину.

Кайшин слегка сжал плечо Талвина:

— Держись. «Всё позади», — произнёс он уверенно.

Они поднимались вверх по узкой винтовой лестнице, ступени которой были вырублены прямо в камне. С каждым шагом становилось светлее — факелы на стенах горели всё ярче, а воздух — свежее. Оказалось, лаборатория находилась глубоко под землёй, в системе древних катакомб, чьи своды хранили множество мрачных тайн.

Кайшин заговорил, не оборачиваясь:

— Я давно ищу Антуана. Он был моим лучшим другом детства. Мы росли вместе, делили мечты, планы. Мы мечтали улучшить мир, совершенствоваться, стремиться к прекрасному. Хотели создать науку, которая поможет людям преодолеть слабости плоти, раскрыть потенциал разума. Но однажды опыт пошёл не по плану. Что-то случилось с его рассудком. Он стал одержим идеей эволюции — любыми методами, любой ценой.

Он сделал паузу, провёл рукой по влажному камню стены, словно вспоминая прошлое.

— Только сейчас мне удалось его остановить. А это длится уже больше пятисот лет. Всё это время он похищал людей, ставил опыты, искал сильных, чтобы сделать их ещё сильнее. Потом — на их примере улучшать себя. Он верил, что через это можно достичь высшей формы бытия.

Кайшин остановился, повернулся к Талвину и обнажил половину тела. Под одеждой не было брони. В тусклом свете факелов блеснули необычные кости — не просто человеческие, а с металлическим отливом, пронизанные тонкими светящимися линиями.

— Я тоже подвергал себя опытам, — добавил он. — Хотел понять, где границы возможного. У тебя так же, — кивнул он на костяную руку Талвина. — Видишь эти линии? Они проводят энергию, усиливают тело. Но цена оказалась высока.

— Прости, что впутал тебя, — продолжил Кайшин, глядя прямо в глаза Талвину. — Я поместил следящее устройство в твою одежду. Благодаря ему нашёл лабораторию. Из-за этих опытов я теперь привязан к этому месту. Пью из молочной реки, чтобы держаться, иначе тело начнёт разрушаться. А мечтал путешествовать по мирам, изучать новое

Он горько усмехнулся.

— Отчасти мечта сбылась: сюда попадают существа из разных пространств. Я могу совершенствоваться здесь, наблюдать, учиться. Но это не то, чего я хотел. Не свобода.

— Так ты знал, что так случится? — спросил Талвин.

— Не совсем, — ответил Кайшин. — Была большая вероятность этого из-за того, что в последнее время многие пропадали.

Талвин замер в раздумьях. Злиться? Обижаться? Ведь его использовали, манипулировали им, словно пешкой в чужой игре. Но едва эта мысль проскользнула в сознании, он тут же отмахнулся от неё. Воспоминания нахлынули волной: как он лежал, обессиленный, едва способный пошевелиться после болезни, как Кайшин нашёл его, выходил, дал кров, пищу, помог обрести силы. Благодарность, глубокая и искренняя, перевесила всё остальное — обиду, недоверие, вопросы без ответов. Он улыбнулся Кайшину — просто, открыто.

Спустя время они достигли огромного замка, который служил главным местом всего острова. Величественное сооружение из тёмно серого камня возвышалось над ландшафтом, словно древняя крепость богов. Его шпили пронзали небо, а от стен тянулись вверх лучи разных размеров — голубые, золотые, серебристые. Они изгибались, переплетались, пульсировали энергией, создавая иллюзию того, что замок пылает внутренним огнём, словно гигантский маяк, видимый за сотни миль.

Антуана заключили под стражу в одной из самых глубоких башен — её стены были выложены зачарованным камнем, блокирующим любую магию. Начались допросы: совет хранителей, освобождённые пленники — все хотели услышать правду о том, что творилось под землёй.

На следующий день Кайшин пришёл к Антуану лично. В руках он держал небольшой хрустальный флакон с мерцающей жидкостью — зельем, которое могло вернуть ясность ума, очистить сознание от наваждений и одержимости.

— Выпей, — тихо сказал Кайшин, протягивая флакон. — Это поможет тебе вспомнить, кем ты был. Вспомнить нас, наши мечты, то, ради чего мы начинали.

Антуан сперва отказывался. Он отворачивался, сжимал кулаки, бормотал что-то о «великой цели», о «жертвах ради эволюции». Его глаза оставались пустыми, горящими фанатичным огнём.

— Нет! — хрипло выкрикнул он. — Ты не понимаешь! Я на верном пути!

Но Кайшин не отступал. Он говорил долго — вспоминал детство, их общие мечты, показывал старые записи, где Антуан сам писал о гуманности и этике. И постепенно что-то дрогнуло в душе узника. Взгляд его стал менее ожесточённым, плечи опустились.

Наконец, после долгой паузы, Антуан протянул руку и взял флакон. Дрожащими пальцами он открыл пробку, вдохнул едва уловимый аромат трав и минералов — и сделал глоток.

На мгновение его лицо исказилось, будто от боли, но затем черты смягчились. Он поднял глаза на Кайшина — и в них впервые за долгие века отразилось узнавание.

— Кайшин?.. — прошептал он. — Что что я наделал?

Через день состояние Антуана заметно улучшилось. Сознание прояснилось, взгляд стал осмысленным, в нём больше не читалась фанатичная одержимость. Ему надели особые браслеты — изящные, с гравировкой древних рун. Они ограничивали его силу, блокируя доступ к магическому потенциалу, но не лишали свободы передвижения: он мог ходить по выделенным помещениям, общаться с людьми, размышлять. Решено было понаблюдать — как он будет вести себя дальше, сможет ли принять новую реальность.

В сущности, за всё время опытов он никого не убил. Напротив — многие испытуемые стали сильнее, обрели новые способности, развили скрытые резервы организма. Лишь один перешёл на иные колебания: теперь он существовал в другом измерении, а в этом мире мог появляться лишь в виде сферы — мерцающего, полупрозрачного шара, переливающегося всеми оттенками синего. Именно он, находясь в таком состоянии, и организовал освобождение пленников — используя свои новые способности для взлома защитных барьеров лаборатории.

— Со временем мы научим его, — сказал Кайшин, задумчиво глядя в окно. — Он сможет снова обрести тело. Нужно лишь научить синхронизировать его колебания с нашим измерением. Это сложная задача, но выполнимая.

— Что касается твоей руки — Кайшин внимательно разглядывал костяную ладонь Талвина, осторожно поворачивая её в свете лампы. Он провёл пальцем вдоль костяных пластин, ощупывая их текстуру, отмечая слабое голубоватое свечение внутри. — Мне это знакомо. Очень знакомо.

— Твоя рука выглядит как скелет, но её держит магический эфир. Есть два его вида.

Первый — обычный. Он пронизывает всю Вселенную, служит каркасом для материи, создаёт границы между вещами. Без него мир рассыпался бы на атомы, потерял форму и структуру. Мы его не видим, но ощущаем.

Второй — твой. Он сложнее, тоньше, изменчивее. Мы с Антуаном впервые увидели его в пещере, глубоко под горами, на одной из планет. Там скелеты ходили сами по себе. У них не было мышц — их заменял магический эфир, пульсирующий внутри костей, словно кровь. Они постепенно развивались, становились умнее, осознаннее. Мы решили их изучить, понять природу этого явления.

Кайшин помолчал, вспоминая.

— Однажды в эксперименте с животным случился несчастный случай. Мы пытались внедрить этот эфир в живую ткань. Оно взорвалось, и часть препарата попала на меня. С тех пор моё тело начало меняться почти всё — кости стали прочнее, а энергия утекала слишком быстро. Теперь меня спасает река — молочная река, текущая из древних источников. Она блокирует воздействие нестабильного эфира и восстанавливает энергию. Без неё я бы давно рассыпался на части. Те скелеты что мы видели в пещерах могут жить только там. Их спасает энергия горы поддерживая в них жизнь.

— В твоём случае препарат не распространился из-за амулета, — продолжил Кайшин, внимательно глядя на Талвина. — Он уникален. В нём столько энергии, что хватило бы на сотню человек. Я много пытался понять, как его создали, изучал древние тексты, проводил расчёты — но безуспешно.

Рядом стоял Антуан и тоже внимательно слушал, его взгляд стал задумчивым, почти расклавшимся.

Кайшин посмотрел на Талвина:

— Вспомни: кто или что было очень сильным на твоей планете? Кто мог создать такой амулет? Это поможет мне разгадать его происхождение. Хотя я сто раз тебя спрашивал, но, может, ты дашь очередную подсказку? Ты уже неделю не пьёшь зелье молочной реки. Постепенно может вернуться память.

Талвин задумался, сосредоточенно хмуря брови. Но в голове — пустота. Ни детства, ни родителей, ни родного дома — ничего не всплывало в памяти, лишь серая пелена, будто кто-то стёр все воспоминания ластиком.

И вдруг — голос. Тихий, вкрадчивый:

— Никому ничего не рассказывай. Не доверяй. Скрывай.

Талвин резко обернулся, инстинктивно сжимая костяную руку в кулак. Никого. — Вы слышали? — спросил он, переводя взгляд с Кайшина на Антуана. — Кто это говорит?

Кайшин удивлённо приподнял брови:

— Какой голос? О чём ты? Я ничего не слышал.

Голос перешёл в крик, теперь он звучал прямо в голове, оглушительно и яростно:

— Не говори ему ничего! Он предаст тебя, как раньше, подставит! Ты для него — всего лишь эксперимент!

Талвин заколебался. Сомнение холодной змеей скользнуло по спине. А что, если правда? Что, если Кайшин использует его, как и все остальные? Но тут же он вспомнил всё, что сделал для него Кайшин. Стал почти отцом — строгим, но справедливым.

Он глубоко вдохнул и твёрдо сказал:

— Я слышал голос. Он велел мне молчать, говорил, что вы предадите меня.

— Вот дурак, совсем отупел после этой молочной реки! Ещё и доверчивый, как ребёнок! — прокричал голос, полный язвительной насмешки.

Кайшин задумчиво провёл рукой по подбородку, его взгляд стал острым, анализирующим.

— Первое, что приходит в голову, — это связано с твоей рукой. Видимо, в ней находится постороннее сознание. Оно пытается контролировать тебя, чтобы сохранить свою тайну.

Талвин почувствовал пронизывающий холод, словно ледяная вода хлынула по венам. «Почему всё это валится на меня? За что?» — подумал он, сжимая костяную руку в кулак. Ему казалось, что раньше жизнь была проще, спокойнее — где-то далеко, в той жизни, которую он не мог вспомнить.

Он начал жалеть себя, но тут же одёрнул себя: так ничего не исправить. Жалость лишь ослабит волю, а ему нужно быть сильным.

И тогда в памяти, словно сквозь туман, всплыли слова отца. — Хранитель государства — святой гигантский ёж. Он был огромным, как гора, и мог превращаться в трёхметрового человека. Десять тысяч лет он охранял наше государство вместе с другим гигантом, оберегая народ от бед и врагов.

«Возможно, после смерти ему досталось ядро зверя», — подумал Талвин. Другого объяснения не было. Ядро могло дать невероятную силу, объяснить происхождение амулета.

Голос тут же вмешался, резкий и настойчивый:

— Ты лучше расскажи про упавший метеорит.

— Какой метеорит? Я не помню, — ответил Талвин, хмурясь.

— Ты вообще ничего не помнишь из-за этой молочной реки! Родную мать и отца забыл! — язвительно прошипел голос, пытаясь посеять сомнения.

Талвин глубоко вдохнул, собрал волю в кулак и поделился с Кайшином всеми воспоминаниями и словами голоса, хотя тот яростно протестовал, заглушая мысли криками и угрозами.

Кайшин задумался, его взгляд стал острым, анализирующим. Он прошёлся по комнате, сложив руки за спиной, затем остановился и посмотрел Талвину в глаза:

— Нужно показать амулет Антуану. Понимаю, ты ему не доверяешь, но для меня это очень важно. Он изучал подобные артефакты, знает древние языки и символы. Возможно, он увидит то, что ускользнуло от меня.

Кайшин помолчал, взгляд его затуманился, словно он вновь оказался там — в далёком прошлом, среди родных пейзажей. Затем он медленно, с горечью в голосе, добавил:

— Раньше я жил на своей планете. У нас всё было хорошо — мы развивались, совершенствовались, каждый день открывая новые грани магии. Наша планета была прекрасна: леса переливались изумрудным светом, а воздух был настолько насыщен магической энергией, что казалось, будто сама планета дышит в унисон с нами. Другие цивилизации завидовали нам — нашей гармонии, силе, единству. Они решили захватить нашу планету, подчинить нас своей воле. Но сил у них не хватило. Тогда они пошли на подлость. Сбросили бомбы со странным вирусом — не просто оружием, а живой заразой, которая начала пожирать нашу планету. Она проникала в почву, отравляла источники, высасывала магию из деревьев. Всё, что было живым, начало увядать.

Талвин слушал, затаив дыхание, чувствуя, как внутри нарастает тяжесть. А голос в его голове всё ещё шептал, словно ядовитая змея, обвившаяся вокруг рассудка:

— Не верь. Не доверяй. Это очередная ловушка.

Но Талвин уже знал: доверие — это выбор. И он свой выбор сделал. Он посмотрел Кайшину в глаза и слегка кивнул, давая понять, что готов выслушать дальше.

Кайшин говорил эмоционально, его голос дрожал от сдерживаемых эмоций, а глаза были влажными, будто в них застыли невыплаканные слёзы. — Мы отправились в путешествие, чтобы противостоять этому бедствию. Побывали даже на планете врага — искали ответы, изучали их архивы, пытались понять природу вируса. Но не нашли способа избавиться от него. То, что тебя пожирает изнутри, похоже на тот вирус Антуан тебе его показывал — тот образец в герметичной коробке. Амулет сдерживает заразу внутри тебя, не даёт ей захватить тело полностью. Я хочу создать противоядие — не только для тебя, но и для своей планеты, для соплеменников. Хочу вернуть им надежду, вернуть наш дом.

Он помолчал, глубоко вздохнул и добавил тише, почти шёпотом:

— Антуан сделал много плохого, но сейчас он мне нужен. На моей планете время течёт иначе: здесь я прожил больше пятисот лет, а там прошло лишь полгода. Каждый день там — это годы здесь. Нужно скорее решить этот вопрос но я не могу уйти. Мне нужен амулет, похожий на твой, — чтобы сдерживать болезнь, возможно, и вирус. Ты участвуешь в соревновании, чтобы приблизиться к родной планете Но, надеюсь, в дальнейшем ты поможешь мне. Не ради меня — ради тех, кто ждёт нас дома.

Талвин слушал. Голос в голове вопил, срываясь на пронзительный визг:

«Не верь! Никому нельзя доверять! Он использует тебя, как и все остальные! Ты для него — лишь инструмент, винтик к спасению его народа!» — но Талвин уже сделал выбор. Он поверил Кайшину.

Вскоре вернулась Асияль. Её аура светилась ровным серебристым светом — она достигла среднего уровня, тогда как Талвина схватили ещё на начальном. Она могла пойти дальше, продвинуться к высшим зонам, где открывались новые возможности и знания, но вернулась, едва узнав, что поймали Антуана. Они с Кайшином долго искали его — внутри огромного пространства, разделённого на зоны, часть из которых скрывали магические завесы.

Была поздняя ночь. Все уснули, утомлённые событиями дня, а Талвин всё не мог закрыть глаза. Мысли крутились в голове, воспоминания сталкивались с догадками, а голос в голове молчал уже несколько часов — впервые за долгое время.

— Признавайся, кто ты? — тихо произнёс Талвин, обращаясь внутрь себя.

Голос тут же откликнулся — не раздражённо, как раньше, а спокойно, почти устало:

— Я дух твоей руки. Я знаю о тебе всё — даже то, что ты забыл. Меня зовут Эгс. Я останусь с тобой навсегда.

Талвин замер, пытаясь осознать сказанное. Он хотел задать ещё вопросы, но Эгс замолчал и не стал больше разговаривать.

На следующий день, по законам планеты Кайшина, пострадавшие должны были вынести приговор Антуану — но сперва услышать всю историю целиком. В большом зале собрались: те, кого держали в лабораториях.

Кайшин коротко объяснил:

— Желая спасти свою планету, Антуан проводил опыты. Он искал способ противостоять вирусу, который пожирал его мир. Но в процессе подвергся воздействию психического вируса — и сошёл с ума. Его разум исказился, цели стали жестокими. Он начал ловить слабых, ставить эксперименты, пытаясь создать идеальную форму жизни. Тем, кто оставался с ним он обещал помочь пройти испытание — ведь оно вело в высшие миры, ближе к центру Вселенной. Он убедил себя, что это единственный путь к спасению.

В зале повисло тяжёлое молчание. Кто-то качал головой, не веря, кто-то сжимал кулаки в бессильной ярости, а кто-то просто смотрел на Антуана с жалостью. Он стоял перед ними,

опустив голову, — больше не властный учёный, а измученный человек, осознавший масштабы содеянного.

Началось голосование. В большом зале повисла напряжённая тишина — каждый из присутствующих взвешивал своё решение. Наконец голоса подсчитали. В итоге решили — отпустить Антуана. Но с жёстким условием: он подписывает магический договор, что никогда не будет ловить людей и проводить опыты без их осознанного согласия. В случае нарушения договора его тело будет мгновенно отравлено смертельным ядом, встроенным в саму суть соглашения.

Антуан, опустив голову, подписал документ. Едва его палец коснулся пергамента, тот вспыхнул голубым светом, превратился в прозрачный кристалл — и растворился в его коже, оставив едва заметный узор на запястье. Теперь договор стал частью его сущности.

Раньше главной целью Талвина было вернуться домой, к родителям. Мысль о них не оставляла его ни на минуту — он представлял, как они ждут его, как тревожатся, не зная, жив ли он. Но теперь появилось новое желание — помочь Кайшину спасти его планету, создать противоядие от вируса. Эта цель обрела чёткие очертания, стала такой же важной, как и возвращение домой.

Талвин показал Антуану свой медальон, на груди. Тот внимательно изучил артефакт, провёл пальцами, взгляделся в пульсирующее свечение внутри. После долгого молчания он произнёс:

— Это сконцентрированное ядро очень сильного существа. Возможно, древнего духа или хранителя. Энергия в нём колоссальна — она может стать ключом к решению нашей задачи.

Затем Антуан вручил Талвину палку, которую тот ранее забрал:

— Она уникальна. Создана из древесины древнего дерева, росшего на границе миров. Приёмы с ней можно проводить лишь сверху вниз — это связано с направлением энергетических потоков в ней. Но что странно защищаться можно в любом направлении. Она тебя признала и вряд ли будет теперь работать с другими. Береги её.

После долгих исследований и обсуждений они сошлись на том, что для создания противоядия нужен редкий минерал — способный пробивать и поглощать другие вещества. Он встречался лишь на немногих планетах, в мизерных количествах. Найти его будет непросто. Остальные ингредиенты у них уже были.

Талвин принял решение: он отправится на поиски минерала — и заодно разыщет телепорт между мирами, что отправит его домой. Но сперва нужно подготовиться.

Он снова проверил свои характеристики:

сила — 3;

ловкость — 1;

выносливость — 2;

защита — 2 (после эксперимента);

интеллект — 150.

Он больше не пил зелье из молочной реки и его выносливость упала ему стало трудней тренироваться.

Талвин собрал вещи: зелья — разные, на все случаи;

книги по магии — те, что не успел прочесть и освоить.

Постой не бери книги сказал Кайшин они просто пропадут. С этого места их не унести так же, как и кристаллы с реки. В твой браслет что я тебе подарил поместится всего 2 кристалла вот их и возьми.

Из-за молочной реки память его ослабла: за пятьдесят лет он освоил лишь пару заклинаний, да и те не мог толком применить. Научился варить несколько целительных зелий — и

на том остановился. Кайшин предлагал изучить продвинутые технологии его цивилизации, но Талвин быстро всё забывал. В конце концов он оставил эти попытки.

Когда всё было готово, Талвин направился к телепортационному portalу — высокому арочному проёму, мерцавшему голубоватым светом. Кайшин шёл рядом, давая последние наставления:

— Ты не так далеко прошёл по пути испытания, и поэтому, скорей всего, ты появишься не так близко от родной планеты. Тебе нужно будет тогда найти либо телепортационную платформу, либо накопить деньги на билет и сесть на межзвёздный корабль. Путь будет непростым.

Талвин попрощался со всеми и ещё раз пообещал Кайшину помочь — найти редкий минерал и вернуться с ним.

— Возьми этот ключ, — Кайшин протянул предмет, похожий на серебряную табличку с гравировкой древних символов. — Он даёт пропуск в это пространство, а также сообщает, куда лететь.

Кайшин постучал по ключу, и луч света с него стал сканировать тело Талвина. Линии пробежали по рукам, груди, ногам, фиксируя ауру и энергетические метки.

— Так можно дать допуск и знания места другим, — пояснил Кайшин. — Вот только сначала хорошо проверь тех, кому даёшь допуск.

Затем он вручил пространственный мешочек — небольшой, с виду простой кожаный кошелёк, но с магической подкладкой.

— В нём ты можешь хранить своё оружие незаметно, а также другие вещи. Ещё раз напомню: поместится в него не очень много вещей, смотри не порви его. По объёму в него могло бы поместиться два человека, но это предел. И главное — живых существ не помещай в него: просто умрут они в нём, пространство там не для жизни.

Последним Кайшин дал перчатку:

— А это — чтобы скрывать твою костлявую руку. Она будет неотличима от настоящей кожи. Никто не станет коситься, не будет лишних вопросов.

Асияль подошла ближе, улыбнулась с теплотой и нежно поправила ремешок сумки на плече Талвина:

— Будь осторожен. И возвращайся скорее. Асияль так и не захотела говорить с ним наедине снова скрываясь ранее.

Они обнялись со всеми. Особенно ласково смотрела на него Асияль — в её глазах читалась тревога и грусть. Талвину очень не хотелось уходить после этого. Он на мгновение замер, чувствуя, как внутри всё сжимается от тоски.

«Как плохо, что я снова всё забыл», — подумал он с горечью. Но тут же утешил себя: «Это долго не продлится, ведь я больше не пью зелье, от которого всё забывается. Память вернётся».

Кайшин произнёс короткое заклинание — воздух вокруг задрожал, заискрился, пространство пошло волнами. Портал вспыхнул ярче, потянул к себе.

— Пора, — тихо сказал Кайшин и положил руку на плечо Талвина.

Последний взгляд на друзей, глубокий вдох — и Талвина перенесло в иное пространство.

Он очутился в густом лесу. Голова кружилась, пульсирующая боль отдавалась в висках — явные последствия телепортации. Талвин сделал шаг и едва не упал: казалось, что гравитация на этой планете отличается от привычной — намного труднее тут передвигаться, чем на острове, где он провёл последние годы. Движения получались более скованными, чем раньше, каждое усилие требовало концентрации.

«Похоже, нужно привыкнуть к этому месту», — подумал он, выравнивая дыхание и стараясь адаптироваться к новым условиям.

Он сосредоточился и мысленно позвал Левиана:

— Поднимись, пожалуйста, и осмотришься.

Раньше это не удавалось: Левиан был слишком слаб, и мог летать невысоко над землёй, а силы хватало лишь на короткие перелёты. Но теперь, после стольких лет и подарка Антуана, всё изменилось. Тот дал небольшие зёрнышки, пропитанные древней энергией, — они усилили Левиана, пробудили в нём скрытые резервы.

Левиан легко взлетел на десять метров. Он парил над деревьями, осматривая окрестности, а через мгновение телепатически передал:

— Неподалёку — деревня. Вижу крыши домов, дым из труб, тропинки между постройками.

Впереди, метрах в двадцати, на мгновение возникла огромная тень — и тотчас же исчезла, будто её и не было. Это произошло так быстро, что можно было бы счесть всё игрой воображения. Что это было? След недавнего перемещения? Ощущение было не из приятных. Теперь кажется что за мной следят вот только никого не видно. Это мне всё кажется стал успокаивать он сам себя.

Талвин помахал головой чтоб прийти в себя и двинулся в указанном направлении.

Его главная цель оставалась неизменной — вернуться домой, к родителям. Для этого нужно было узнать, как перемещаться между планетами: найти действующий маршрут, выяснить, какие корабли ходят в нужном направлении, или отыскать древний телепорт. Ещё — найти минерал, о котором говорил Кайшин. Этот редкий камень был необходим для создания противоядия от вируса, пожирающего планету Кайшина.

Чтобы добиться всего этого, надо было попасть в столицу: там могли помочь с болезнью, которая терзала его изнутри, подсказать, где искать минерал, и дать доступ к межпланетным путям. Талвин глубоко вдохнул, ощущая запах хвои и влажной земли, и зашагал увереннее.

Денег у него не было — ни монеты, ни кристалла которого не жалко. Значит, нужно найти работу, а для этого — освоиться в новом месте.

Камни из реки Кайшин не дал: сказал, что они исчезнут при перемещении, хотя их можно было продать и разбогатеть. А те, что были, могли пригодиться самому — для восстановления сил или создания зелий. Талвин вздохнул: придётся рассчитывать только на себя.

В деревне Талвин решил разузнать об этом мире: кто здесь живёт, какими способностями обладают местные, какие законы тут действуют, где можно найти работу и как добраться до столицы. Он понимал: без информации он слеп и уязвим.

Он направился к окраине и вскоре заметил старушку. Она с трудом несла ведро с водой — спина согнута, руки дрожали, а ведро, казалось, вот-вот выскользнет. Талвин подошёл, молча кивнул и жестами показал, что поможет. Бабушка улыбнулась, благодарно кивнула в ответ и заговорила:

— Ты, милоч, не здешний? С других мест к нам пришёл?

Талвин лишь развёл руками — язык пока не давался. Слова путались, звуки казались чужими, а интонации — непонятными. Но тут Хронос, его верный духовный спутник, начал считывать местную речь и передавать знания. Он словно раскладывал слова по полочкам в сознании Талвина, выстраивал связи, показывал значения.

Поначалу получалось неуклюже: Талвин больше лепетал, чем говорил, путал окончания, неправильно ставил ударения. Но к тому моменту, как они дошли до дома — небольшого, но ухоженного, с цветами у крыльца, — он уже мог понимать простые фразы и на пальцах объяснять, кто он и откуда.

— Из дальних краёв, да? — понимающе кивнула старушка. — Вижу, путь был нелёгкий. Заходи, отдохни, попей воды. А потом расскажешь, что привело тебя в наши края.

Талвин благодарно улыбнулся и последовал за ней.

Денег у него не было — ни монеты, ни кристалла которого не жалко. Значит, нужно найти работу, а для этого — освоиться в новом месте.

Камни из реки Кайшин не дал: сказал, что они исчезнут при перемещении, хотя их можно было продать и разбогатеть. А те, что были, могли пригодиться самому — для восстановления сил или создания зелий. Талвин вздохнул: придётся рассчитывать только на себя.

В деревне Талвин решил разузнать об этом мире: кто здесь живёт, какими способностями обладают местные, какие законы тут действуют, где можно найти работу и как добраться до столицы. Он понимал: без информации он слеп и уязвим.

Он направился к окраине и вскоре заметил старушку. Она с трудом несла ведро с водой — спина согнута, руки дрожали, а ведро, казалось, вот-вот выскользнет. Талвин подошёл, молча кивнул и жестами показал, что поможет. Бабушка улыбнулась, благодарно кивнула в ответ и заговорила:

— Ты, милоч, не здешний? С других мест к нам пришёл?

Талвин лишь развёл руками — язык пока не давался. Слова путались, звуки казались чужими, а интонации — непонятными. Но тут Хронос, его верный духовный спутник, начал считать местную речь и передавать знания. Он словно раскладывал слова по полочкам в сознании Талвина, выстраивал связи, показывал значения.

Поначалу получалось неуклюже: Талвин больше лепетал, чем говорил, путал окончания, неправильно ставил ударения. Но к тому моменту, как они дошли до дома — небольшого, но ухоженного, с цветами у крыльца, — он уже мог понимать простые фразы и на пальцах объяснять, кто он и откуда.

— Из дальних краёв, да? — понимающе кивнула старушка. — Вижу, путь был нелёгкий. Заходи, отдохни, попей воды. А потом расскажешь, что привело тебя в наши края.

Талвин благодарно улыбнулся и последовал за ней.

— Меня зовут Талвин. Я действительно с другой планеты, — представился он с трудом, подбирая слова и стараясь правильно произносить звуки.

— А я баба Люда, — улыбнулась старушка, приглашая его войти в дом. — Мы манторианцы. Ох, не в простое время мы живём, милоч. Тебе бы поскорей на другую планету перебраться, пока не поздно.

— А что тут не так? — настороженно спросил Талвин, чувствуя, как внутри просыпается тревога.

— Пропадают манторианцы среди бела дня, — понизив голос, ответила баба Люда. — Вот так идут по улице — и нет их. Ни следа, ни признака. Все боятся, что и с ними то же самое случится. Даже дети перестали играть во дворах — всё сидят по домам.

Талвин нахмурился. В голове сразу всплыли мысли о вирусе, экспериментах Антуана, магических аномалиях.

— Чем ещё могу помочь, баба Люда? — поинтересовался он, искренне желая сделать что-то полезное.

— А ты руку дай мне и думай о хорошем, — попросила старушка, протягивая морщинистую ладонь. — Да глаза закрой и не прекращай думать о хорошем. Это важно — мысли должны быть светлыми, радостными.

Талвин так и сделал. Он закрыл глаза, сосредоточился и представил: смех родителей, тепло солнца на коже, запах цветущих садов родного дома. Кайшина и Настю как они хорошо проводили время вместе. Минута тянулась за минутой. В груди постепенно становилось теплее, будто внутри разгорался маленький костёр.

— Этого достаточно, чтоб ещё месяц нас не трогали, — удовлетворённо сказала баба Люда, отпуская его руку. — А там видно будет.

Перед ней на столе лежал небольшой макет искусно сделанного здания — миниатюрная копия древнего храма с колоннами и резными узорами.

— Это защитный механизм, — пояснила она. — Его нужно заряжать светлой энергией, мыслями о счастье, воспоминаниями о радости. Тогда всякие нехорошие будут нас обходить стороной. Другие совсем отчаялись, от них уж радости не дождёшься А ты вот тут поделился своей радостью и зарядил защиту. Спасибо тебе, милоч.

— Тебе нужно чуть дальше пройти, — продолжила она, указывая рукой в сторону леса. — Там небольшой городок. Там ты сможешь подзаработать — манторианцы всегда ищут сильных помощников. А тут только старики остались, да и те прячутся по домам.

Поблагодарив бабу Люду, Талвин вышел из дома.

Без денег он мог лишь продать свои изделия. Сперва он опасался, что его поймают без документов, но потом узнал: для людей права не так важны. Их имели лишь богатые и знатные — печати, грамоты, удостоверения принадлежности к роду. Ловили и сажали — или убивали на месте — только демонов, которых считали угрозой всему живому.

Дорога заняла несколько часов. По пути он разглядывал окрестности: золотистые поля, густые рощи, небольшие речки с прозрачной водой. Всё казалось одновременно и чужим, и странно знакомым — будто он видел это во сне или в далёком детстве. Иногда ему чудилось, что за деревьями мелькают тени, но, присмотревшись, он ничего не замечал.

Изредка возникали слуховые галлюцинации: сначала слышалось шипение, затем — обрывок слова, который невозможно было разобрать. Всё это длилось доли секунды, но каждый раз вызывало кратковременное головокружение — словно мозг на миг терял связь с действительностью, а потом вновь её обретал. Казалось что кто-то его ударить и у того ничего не выходит. Вот только что с ним происходит не понятно. И в деревне такого не было. Лишь только когда он один.

К вечеру он добрался до городка. Улицы были узкими, вымощенными булыжником, дома — деревянными или каменными, с резными ставнями и черепичными крышами. Повсюду сновали манторианцы: кто-то спешил по делам, кто-то торговал на площади свежими овощами и травами, кто-то просто беседовал у ворот, обмениваясь новостями. Воздух наполняли запахи выпечки, специй и дыма от костров.

Он зашёл в магазин. На витринах красовались посохи с магическими камнями, мечи с узорчатыми рукоятями, щиты с гербами, доспехи, бутылки с неизвестной жидкостью, мерцающей разными цветами. Здания, кареты без лошадей, летающие шары в небе — всё напоминало родину Талвина, по крайней мере так ему казалось. На мгновение он почувствовал укол тоски по дому.

К нему подошла девушка лет двадцати пяти, красивая, с ясным взглядом и лёгкой улыбкой:

— Чем могу помочь?

Талвин смутился, но собрался с духом:

— Хочу продать целебные зелья. Меня попросил мастер — он солгал, чтобы не привлекать внимания, опасаясь, что его происхождение вызовет вопросы.

Девушка окинула его одежду удивлённым взглядом — потрёпанная куртка, штаны, сапоги, видавшие виды.

— Ты, наверное, издалека, — заметила она.

Не дожидаясь оправданий, она попросила показать товар. Талвин достал зелья из магической сумки — флаконы с зелёной, синей и янтарной жидкостью, каждый запечатан с магическим символом. Девушка изучала их, нахмурив брови, осторожно встряхивала, подносила к свету. Наконец она сказала:

— Куплю за двенадцать золотых.

Талвин не знал, много это или мало, но согласился — выбора не было. Он кивнул, стараясь не выдать волнения.

Девушка улыбнулась:

— Я расскажу тебе об этом городе. Вижу, ты ничего не знаешь. Меня зовут Эльза. Я чувствую энергию людей на расстоянии. Твоя — совсем не местная. Я никогда такой не видела.

Эльза внимательно разглядывала зелья, перекатывая склянки в тонких пальцах.

— Ты сам создал эти зелья? — спросила она, вглядываясь в лицо Талвина.

Он снова соврал — про мастера, про наставника, который научил его варить зелья. Но Эльзу было не провести: она легко читала ложь, словно открытую книгу. Её глаза слегка прищурились, а улыбка стала чуть более проницательной.

— Ты сделал очень хорошие зелья, — мягко сказала Эльза. — Если сделаешь ещё, я с радостью куплю. На эти деньги можно прожить месяц. А если нужна работа — можешь помогать мне или другим специалистам. Есть кузнец, маг Раньше тут была гильдия, где можно было брать заказы, но её отменили. Граф постарался — он у нас самый главный.

Талвин невольно улыбнулся. Он то знал: его зелья — лишь простые настойки, до уровня Кайшина ему далеко. Но деньги — а их оказалось немало — обрадовали. Теперь можно было осмотреться, узнать город, не торопясь в столицу, где без средств делать нечего.

— Может быть, вы знаете, где можно остановиться? — спросил он.

— Конечно, знаю, — Эльза улыбнулась. — Но, пожалуйста, обращай ко мне на «ты», мне так приятнее. Если хочешь, можешь жить у меня — на последнем этаже магазина. По работе будешь добывать травы, редкие металлы, камни — из них я делаю оружие и магические артефакты. Ты первый такой странный за всю мою жизнь. У тебя мало энергии, но в груди — столько сил, прямо как солнышко сияет! — Она засмеялась. — Не буду расспрашивать, как ты здесь оказался. Расскажешь, если захочешь.

Талвин подумал и согласился.

За чашкой травяного чая с ароматом мяты и лаванды Эльза рассказывала о городе:

— Раньше тут было много людей, но их становится всё меньше. Главная беда — скорды.

Она объяснила: скорды — птицы с острым клювом, четырьмя крыльями и когтями. Размером с глухаря, они имели различную окраску: от ярко алого до синя чёрного. Они появились примерно сто лет назад и стали очень популярными. Магических способностей у них нет вот только они могут исчезать оставляя за собой тёмный след. Прячутся в промежуточном пространстве а потом появляются. Сначала знать разводила их для себя, выводила разные породы. Считалось это модным и престижным. Неудачных выгоняли — и те становились дворовыми, жили на улице. Поодиночке они безопасны, даже добры и сообразительны.

Но граф приказал их не трогать потому что очень их любит — и у них оказалось больше прав, чем у манторианцев. Их должны были кормить но ничего этого не делали. Голодные, они сбивались в стаи и становились опасны — нападали на одиноких прохожих, разоряли склады, пугали детей.

Даже если скорды кого-то покалечат или съедят — их оправдывают: виноваты манторианцы, а скорды беззащитны. Многие уехали. Остались те, кто не может — старики, больные, те, у кого нет денег на переезд.

Она вздохнула, глядя в окно:

— Но не будем о плохом, — улыбнулась она, стараясь развеять мрачное настроение. — Можешь остановиться наверху. Завтра дам тебе работу: собрать огненные одуванчики — они растут у горы, светятся в темноте — и ухаживать за духовными растениями в моём саду. Они капризные, но очень ценные.

— Что-то не так?

— Нет, всё хорошо, — улыбнулся Талвин. — Просто задумался. Спасибо за предложение. Я с радостью помогу с одуванчиками и растениями.

— Вот и славно, — кивнула Эльза. — Отдыхай пока. Комната на третьем этаже готова, вещи можешь разложить там. Завтра с утра начнём.

Талвин поднялся по скрипучей лестнице, чувствуя, как усталость дня наваливается на плечи.

На следующий день Талвин с удовольствием занялся уходом за духовными растениями. Работа оказалась неспешной и удивительно приятной: он аккуратно протирал бархатистые листья влажной тканью, поливал их настоем и прислушивался к едва уловимому шёпоту. Растения, казалось, помнили прежние времена и по привычке переговаривались между собой, когда ветер пробегал по их гибким стеблям. Талвин не мог удержаться — он заговорил с ними тихим голосом, делясь своими мыслями и надеждами, как и раньше.

Когда все дела были закончены, он собрался в путь за огненным одуванчиком. Эльза предупредила, что цветок растёт в горах или рядом с ними.

По дороге на него неожиданно напали скорды — трое птиц с острыми, как бритва, клювами. Они кружили над головой, угрожающе щёлкали клювами, готовясь атаковать. Но Талвин не стал сражаться: заранее подготовленный плод, похожий на помидор, но пахнущий рыбой, он бросил прямо перед птицами. Это было их любимое лакомство, которое предусмотрительно дала ему Эльза. Скорды с радостным клёкотом набросились на угощение, а Талвин, пользуясь моментом, тихо и незаметно ушёл прочь.

Он шёл всё дальше от города, пока вокруг не осталась лишь дикая природа — ни души на многие мили. Горы возвышались над ним, словно древние исполины, а ветер доносил далёкие крики неизвестных существ.

Вдруг из-за дерева бесшумно вышел огромный человек в чёрных доспехах. За спиной у него висели кирка которая светилась и секира, а на поясе висели мешочки с порошками и кристаллами.

— Меня зовут Иан, — произнёс он, заметив настороженность Талвина. — Извини, что напугал. Я умею передвигаться бесшумно — привычка горняка. Совсем забыл и чуть не напугал до смерти.

«Такой огромный, а двигается бесшумно, — подумал Талвин, с восхищением разглядывая незнакомца. — Вот бы и мне так научиться!»

Имдан предложил работу:

— Я перегружен, и мне не помешали бы лишние руки. Ничего опасного — нужно помочь отнести породу из пещеры. Она редкая, магическая, из него получают отличные клинки и амулеты.

Талвин колебался: он ещё не нашёл цветок. Но Имдан настаивал, уверяя, что путь к пещере лежит как раз мимо тех мест, где растут огненные одуванчики.

— Только при одном условии, — твёрдо сказал Талвин. — Ты поможешь мне найти огненный одуванчик или скажешь, где он может быть.

— Раз плюнуть, — усмехнулся Имдан. — Пошли в горы.

Они шли молча. Имдан шагал уверенно, словно знал каждый камень. Талвин старался не отставать, то и дело оглядываясь по сторонам: не мелькнёт ли среди серых скал алое пламя огненного одуванчика? Цветок должен был светиться в сумерках, как крошечный костёр.

— Знаешь, почему скорды стали такими? — вдруг спросил Имдан, оборачиваясь.

Талвин пожал плечами.

— Они чувствуют слабость, — продолжил Имдан. — Когда человек боится — они нападают. Когда спокоен — облетают стороной. Граф это знает. И пользуется.

— То есть он специально доводит людей до страха? — нахмурился Талвин.

— Именно. Он распространяет слухи, устраивает провокации, чтобы манторианцы жили в постоянном напряжении. А скорды лишь инструмент. А зачем ему это нужно? В следующий раз расскажу мы уже пришли.

Талвин задумался. Он сам, когда-то давным-давно издевался над другими. Имдан остановился у входа в пещеру. — Здесь я добываю породу. Поможешь?

Талвин кивнул. Впереди — работа, а где-то среди скал, возможно, — огненный одуванчик.

Пещера встретила их приглушённым сиянием кристаллов — словно тусклые звёзды, застрявшие в каменных недрах. Имдан уверенно шагнул вперёд, Талвин следовал за ним, настороженно вглядываясь в тени, таящие неведомые опасности.

Углубившись в пещеру, Имдан достал кирку. Пять минут ритмичных ударов — и отколотая порода легла на землю.

— Собери в пространственный рюкзак, а я пойду дальше, — бросил он кирку. — Если сможешь поднять кирку, добудь ещё сам. Она быстро справится с породой.

Талвин кивнул, подозвал Левиана:

— Поднимись и наблюдай.

Сам же принялся складывать породу в рюкзак, ощупывая холодные камни — некоторые из них слегка пульсировали магической энергией.

Через пять минут тишину разорвали резкие, пронзительные крики. Талвин положил породу и кирку в свою сумку. А затем из тёмных расщелин поползли они — огромные жуки, красно чёрные, с шестью лапами и зловещими чёрными кругами на спинах. По размерам они были похожи на небольшую собаку, а их жвала щёлкали, будто стальные ножницы.

Они почти окружили Талвина, стрекоча на своём непонятном языке, создавая какофонию звуков. Он отступил, сжимая палку. Первый удар — и один жук рухнул, погрузившись в сон. Остальные разозлились, зашипели громче, угрожающе поднимая лапы.

Левиан спикировал сверху, метнул молнию — второй жук обездвижен. Но их было слишком много.

Талвина повалили на землю. Один из жуков укусил его за костлявую руку. Боли не было, но голова закружилась, мир поплыл.

Где-то в глубине пещеры слышались удары, крики — словно кто-то сражался.

«Не справлюсь», — мелькнуло в голове.

Он ударил ещё одного жука, рванул к выходу. Кинул нож — в насекомое, но тот отскочил, словно от камня. Оружие вернулось, став татуировкой на коже. Жуки замерли на мгновение, словно оценивая угрозу. Если бы они хотели давным-давно меня съели. Но они не нападали толком и даже дали подняться после того, как повалили.

Громкий топот — Имдан бежал сзади, за ним — гигант, инсектойд, кричащий что-то нечленораздельное. Имдан ловко бежал по стенам, уворачиваясь от ударов, но противник настиг его, ударил с такой силой, что тот пролетел двадцать метров и врезался в стену. Жуки странным образом отступили.

Талвин подбежал, помог подняться. Вместе они выбрались из пещеры. Погони не было, лишь далёкие грозные крики доносились из глубины.

Выбравшись на свежий воздух, они отдышались.

— Спасибо, — хрипло сказал Имдан. — Ты мог бросить меня.

— Мы же договорились помогать друг другу, — пожал плечами Талвин. — К тому же, я ещё не нашёл огненный одуванчик.

Имдан рассмеялся:

— Найдём.

Талвин улыбнулся. Он подумал, что нашел друга.

На свежем воздухе Талвин внимательно взглянул на Имдана. Рука того была разбита, но во второй руке он сжимал странный фрукт — продолговатый, с фиолетовой кожурой и серебристыми прожилками. Глаза Имдана сияли от счастья, словно он держал драгоценность в руке.

Имдан не мешкая съел плод, лёг на спину, раскинув руки. Через минуту он резко вскочил, намазал руку какой-то густой мазью из маленького флакона — и рана начала затягиваться прямо на глазах, оставляя лишь тонкий розовый шрам.

— Я наконец то достиг новой эволюции! — воскликнул он с восторгом, который быстро сменился насмешкой. — Я давно не видел таких наивных идиотов, — рассмеялся он, и в его голосе зазвучали металлические нотки. — Ты мне нужен был, чтобы отвлечь демонов. И я не ошибся: другого давно бы сожрали, а тебя оставили. Видимо, наивные для них не вкусные.

Не успел Талвин ничего сказать или даже пошевелиться, как Имдан резко поднялся в воздух, завис над землёй на пару мгновений, а затем стремительно улетел вдаль, оставив после себя лишь лёгкое мерцание в воздухе.

Эгс ехидно проскрипел в голове:

— Вот ты молодец, поверил ему.

Талвин почувствовал, как внутри закипает злость. «Обещал показать огненный одуванчик, а сам — думал он, сжимая кулаки. — Использовал меня, как приманку». Но через пять минут ярость угасла — смысла злиться не было. Он глубоко вдохнул, выдохнул, стараясь успокоиться, и двинулся обратно, чувствуя тяжесть в ногах и горечь на душе.

Вдалеке показалась тёмная точка. Скоро стало ясно: это стая скордов. Талвин поспешно спрятался за толстым стволом старого дерева, но стая уже нависла над ним, опускаясь всё ниже.

Он бросился бежать к городу, но облако настигло его. Чёрные шары кружились вокруг него, жалили. Он бил палкой, метался из стороны в сторону, но ни в кого не попадал.

Злость нарастала. На Имдана, на судьбу, на себя за свою наивность. В груди закипала буря эмоций, готовая вырваться наружу.

Голос внутри злорадствовал:

— Пусть этот мир развалится и исчезнет.

Глаза Талвина налились красным, а вокруг него возникло едва заметное чёрное сияние. Казалось, всё вокруг горит чёрным огнём. Одно существо вспыхнуло, растворилось в воздухе с пронзительным криком. Через пятнадцать секунд — ещё три. Но их было слишком много, и силы быстро покидали его.

Полминуты — и Талвин упал на землю, тяжело дыша и глядя в серое небо. Злиться больше не было сил. Тело дрожало, а в ушах стоял гул.

Вокруг продолжали кружить существа, ожидая, когда он ослабнет окончательно. Талвин разглядел одного из них внимательнее: серый, полупрозрачный, с тремя пульсирующими ядрышками внутри, словно маленькими сердцами.

Левиан засветился мягким голубым светом, испустил электрические всполохи, создав вокруг хозяина небольшой защитный барьер. Через минуту он опустился рядом, тяжело дыша — видно, потратил много энергии.

Талвину ужасно хотелось спать. Веки слипались, а тело отказывалось слушаться.

Потом послышались шаги. Кто-то махал руками — и вокруг них возникла светящаяся сфера, отгонявшая существ.

— Можешь идти? — спросила Эльза, склонившись над ним. Её глаза были полны тревоги, а голос звучал мягко.

Не дожидаясь ответа, она помогла ему подняться. Они побрели к городу. Существа летели следом, но у границ города потеряли интерес и разлетелись в разные стороны.

Эльза дала Талвину странный камень — холодный, с голубыми прожилками, пульсирующий слабым светом. Как только он взял его в руки, сразу стало легче: головокружение прошло, силы начали возвращаться.

— Ни в коем случае нельзя проявлять негативные эмоции, — строго сказала она. — Иначе они тебя сожрут. Высосут всё до последней капли. Особенно тебя — у тебя нет защиты, твоя энергия слишком открыта.

— Но кто они и что хотели от меня? — спросил Талвин, с трудом переводя дыхание.

— Они питаются негативными эмоциями, — объяснила Эльза. — Как животные: поесть да обзавестись потомством. Это долгая история. Расскажу дома, когда придёшь в себя.

В доме Эльзы, у камина, где потрескивали дрова и плясали оранжевые языки пламени, она продолжила свой рассказ:

— Раньше эти существа жили высоко в атмосфере, на небесных островах в другом измерении. Жили мирно, никого не трогали. Но из-за негативных мыслей манторианцев их мир стал погибать. Пищи не осталось, многие погибли. Часть приспособилась — спустилась сюда.

Она помолчала, глядя в окно, за которым сгущались сумерки.

— Они едят негативные энергии. Простые им не подходят. Поэтому они провоцируют людей на злость, на страх — чтобы энергия стала для них пищей. Так они выживают.

— Тебе повезло, что напали именно они, — добавила она, поворачиваясь к Талвину. — Будь это скорды в таком количестве, даже я не смогла бы помочь.

— А почему ничего не делают против них? — спросил Талвин, глядя на Эльзу с неподдельным недоумением. — Разве нельзя их изгнать или уничтожить?

Эльза усмехнулась, словно ожидала этого вопроса:

— Во-первых, их никто не видит, кроме таких, как ты и я. Обычные манторианцы лишь чувствуют — но не обращают внимания. Думают, это их собственные мысли: злость, грусть без причины. Эти существа впрыскивают им энергию, а в голове сами собой возникают образы из прошлого, неприятные. Манторианцы цепляются за негативные воспоминания, прокручивают их по кругу — и сами становятся приманкой. Вот тогда они и слетаются со всей округи.

Талвин нахмурился, пытаясь осмыслить услышанное:

— Но я раньше никогда не видел этих существ. Они обитают только в этом мире?

— Они есть на многих планетах, — ответила Эльза и вдруг рассмеялась. — Так я всё-таки была права: ты с другой планеты, как и я. Не знаю, где ты побывал, но здесь их много. В первый раз, когда тебя увидела, они уже кружились рядом.

Она сделала паузу, словно взвешивая слова:

— Они живут в другом измерении, потому невидимы. Когда хотят есть, переходят в наш мир. Их не замечают, потому что они вибрируют на частотах, недоступных глазу. Обычно они не убивают тех, кого «едят». Но тебя Ты оказался особенно аппетитным. Если посмотреть духовными глазами, ты весь дырявый, как ржавое ведро. Энергия из тебя льётся в никуда. Медальон на груди — твой источник силы. Но есть ещё что то, что поглощает энергию. Я пока не понимаю его природу. Хочешь, научу закрывать дыры?

Талвин с готовностью кивнул:

— Да, пожалуйста.

— Тебе удалось найти огненный одуванчик? — поинтересовалась Эльза.

Он покачал головой:

— Нет. Но вот руда, которую мы добыли в пещере.

И он подробно рассказал о встрече с Имданом, о предательстве, о жуках и о том, как едва не погиб.

— Странно, что они тебя не тронули, — задумчиво произнесла Эльза. — Обычно так не бывает.

Талвин выложил перед ней породу.

— Кристаллическое железо! — воскликнула она, беря камень в руки и внимательно его изучая. — Смесь железа и кристаллов, сросшихся благодаря магии. Не самое прочное, но из

него можно создавать магические предметы. Если отдашь мне, я сделаю для тебя что-нибудь полезное. Часть возьму за жильё и еду.

Талвин обрадовался:

— Договорились.

На следующий день Эльза объяснила:

— Нужно концентрировать волю в одной точке — например, в руке. Тогда она наполняется энергией, кровью. Почувствуешь покалывание. Закрой глаза и представь, что вся твоя сила собирается в ладони.

Эгс не унимался. Сначала насмехался:

— Глупое занятие. У тебя не получится. Ты же слабак.

Когда понял, что насмешки не действуют, начал подбрасывать образы — мрачные, отвлекающие: картины прошлого, лица врагов, сцены поражений. Талвин замечал эти уловки, мысленно отбрасывал их и возвращался к упражнению.

Затем Эльза пристально смотрела на Талвина и предложила.

— Попробуй представить места в теле, где ощущается слабость. Закрой глаза и прислушайся к себе.

Сначала Талвин сомневался — он не был уверен, что способен уловить столь тонкие ощущения. Но вскоре, сосредоточившись, он почувствовал странное напряжение у правого плеча: словно там застряла невидимая заноза, мешающая свободно двигаться. Он направил туда поток энергии, а вместе с этим свою концентрацию, собранной в ладони. Поначалу было больно — ощущение напоминало ожог, пронзающий насквозь. Но постепенно боль отступила, сменившись приятным облегчением, будто действительно вытащили занозу.

За несколько тренировок он «закрыл» около десяти таких «дыр». Усталость навалилась мгновенно — он едва успел дойти до кровати, прежде чем рухнуть на неё. Но состояние заметно улучшилось: движения стали легче, а магия в теле словно увеличилась, потекла ровнее и мощнее. На миг он даже увидел духовным зрением ту самую «занозу» — смутно, словно сквозь туман, но достаточно чётко, чтобы понять: это был сгусток тёмной энергии, искажавший его ауру.

Он уснул и проснулся лишь через час. Ощущения были удивительными: мир казался ярче, звуки — чётче, а магия текла по телу ровнее, без прежних утечек.

Наутро Талвин отправился в сад ухаживать за духовными растениями. Они радостно шелестели листьями, чувствуя его обновлённую энергию, и тянулись к нему, словно благодарные дети. После он решил продолжить поиски огненного одуванчика.

Подойдя к пещере, он начал подниматься выше по горному склону. Полчаса пути, карабкась по осыпающимся камням — и он нашел небольшую пещеру, которая была наполовину завалена. Решив её изучить, стал увеличивать проход и через пол часа можно было спокойно войти в пещеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.